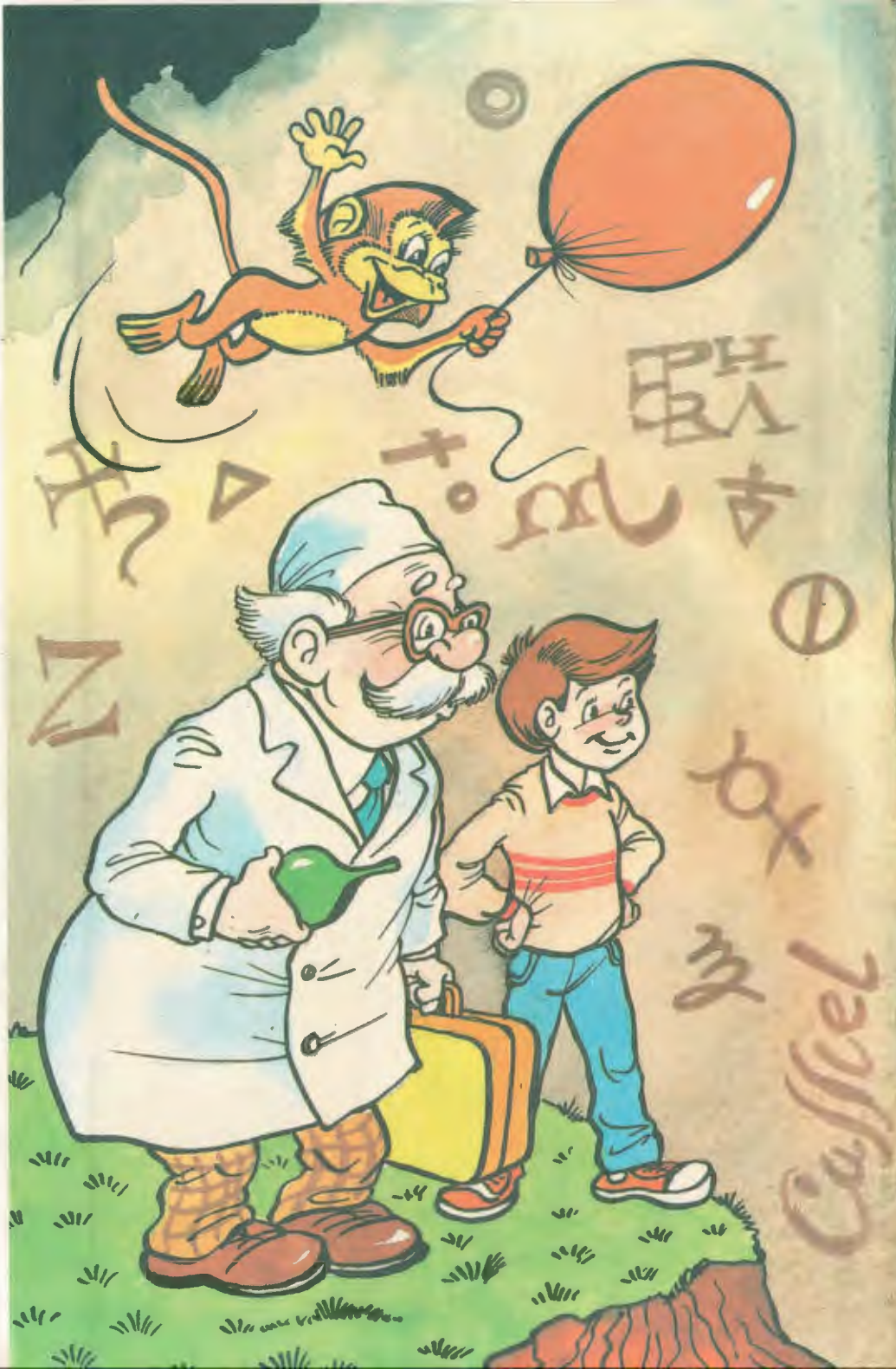

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Сюфья Трокоурьева

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖЁЛТОГО ЧЕМОДАНЧИКА

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

Москва • ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «ИСКАТЕЛЬ» •

СОФЬЯ ПРОКОФЬЕВА

Приключения
жёлтого
чемоданчика

ПОВЕСТИ • СКАЗКИ

Рисунки
А. Махгельдана

ISBN 5-89487-106-9

© С. Прокофьева, 1999
© Илл. А. Шахгелдян, 1999
© Сост. И. Ганина, 1999
© «Издательский дом «Искатель», 1999

Приключения жёлтого целобанчика

ГЛАВА 1

Детский доктор

Детского Доктора разбудило яркое солнце и ребячий смех.

Детский Доктор мог целыми днями слушать этот смех. Это были для него самые приятные звуки на свете.

Ребята играли во дворе и смеялись.

Время от времени снизу поднималась серебряная струя воды. Можно было подумать, что посреди двора лежит большой кит. Детский Доктор, конечно, понимал, что этого не может

быть. Он знал, что это дворник дядя Антон поливает клумбу.

Детский Доктор чувствовал себя утомленным.

Последнее время у него было очень много работы. По ночам он писал книгу. Книга называлась: «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки».

Днем он работал в детской поликлинике, а после работы собирал материал для своей книги. Он ходил по дворам и скверам, входил в темные подъезды и даже заглядывал под лестницы.

«Как хорошо, что сегодня мне не надо идти в поликлинику! — подумал Детский Доктор. — Я смогу сегодня отдохнуть и, может быть, даже закончу седьмую главу моей книги. У меня сегодня только два вызова. Правда, один случай очень тяжелый: эта грустная девочка Тома...»

В это время раздался громкий звонок.

Детский Доктор пошел в переднюю и открыл дверь.

За дверью стояла мама.

Конечно, это была не мама Детского Доктора. Это была мама какого-нибудь мальчика или девочки. Но то, что это была мама, было несомненно. Это было сразу видно по ее большим несчастным глазам.

Детский Доктор тихонько вздохнул и пригласил эту чью-то маму в кабинет.

Правда, это была очень хорошая мама. Детский Доктор это сразу определил.

Такая мама наверняка умела быть строгой.

Но с другой стороны, такая мама наверняка разрешала своему ребенку лазить по деревьям и бегать босиком по лужам.

«Интересно, как она относится к дракам? — подумал Детский Доктор. — Ее мнение было бы

важно для моей книги «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки»...

— Вы понимаете, Доктор... — волнуясь, начала мама. Ее глаза были совсем темными и несчастными. А ведь, наверное, ее глаза умели ярко сиять. — Видите ли... Мне вас очень рекомендовали... У меня сын Петя... Ему девять лет. Он очень болен. Он... вы понимаете... он... трус...

Прозрачные слезы одна за другой закапали у мамы из глаз. Можно было подумать, что вдоль щек у нее висят две нитки блестящих бус. Видно было, что ей очень тяжело.

Детский Доктор смутился и стал смотреть в сторону.

— Вот рано утром... — продолжала мама. — Понимаете, как проснется... или, например, как придет из школы... а вечером...

— Так, так, — сказал Детский Доктор. — Минуточку, минуточку. Вы лучше отвечайте на мои вопросы... В школу ходит один?

— Провожая и встречаю.

— А в кино?

— Уже полтора года не был.

— Собак боится?

— Даже кошек... — тихо сказала мама и всхлипнула.

— Понятно, понятно! — сказал Детский Доктор. — Ну ничего. Современная медицина... Приходите ко мне завтра в поликлинику. Я вас запишу на двенадцать часов. Вам удобно в это время?

— В поликлинику? — растерялась мама. — Вы знаете — он не пойдет. Ну ни за что на свете. Не могу же я вести его силой? Как вы считаете?..

Я думала... вы к нам на дом... Мы здесь недалеко живем. На сто втором автобусе...

— Ну хорошо, хорошо... — со вздохом сказал Детский Доктор и с тоской посмотрел на свой письменный стол. — Мне все равно сейчас надо ехать на Лермонтовский проспект к этой грустной девочке Томе...

И Детский Доктор стал складывать лекарства в свой небольшой чемоданчик. Чемоданчик был среднего возраста, не новый и не старый, желтого цвета, с блестящими замками.

— Минуточку, минуточку, чтобы не забыть... Это порошок смеха для грустной девочки Томи. Очень сильнодействующее средство... Уж если он не поможет... Так... Бутылка антиболтина. Так, так. Перед употреблением взбалтывать... Это для одного болтуна... А для вашего Пети...

— Простите, Доктор... — опять засмушалась мама. — Вы и так очень любезны... Но... Петя не принимает никаких лекарств. Боится. Он даже не пьет газировку, потому что она шипит. А суп я ему наливаю в мелкую тарелку. Он боится есть из глубокой тарелки.

— Естественно, естественно... — задумчиво пробормотал Детский Доктор.

— Вы находите это естественным? — От удивления мамины глаза стали в четыре раза больше.

— Это естественно для данного заболевания, — ответил Детский Доктор, насыпая что-то в бумажный кулек. — Таким детям я даю лекарство в виде конфет. Вы видите, самая обыкновенная конфета в розовой бумажке. Самые трусливые дети смело кладут ее в рот и...

Детский Доктор и мама вышли на улицу.

На улице было просто замечательно!

Солнце было горячее. Ветерок прохладный. Дети смеялись. Взрослые улыбались. Куда-то быстро ехали машины.

Детский Доктор и мама подошли к автобусной остановке.

За желтым забором уходила в небо высокая телевизионная вышка. Она была очень красивая и очень высокая. Наверное, всем мальчишкам в этом районе она снилась каждую ночь.

А на самом ее верху горел ослепительный огонек. Он был такой яркий, что лучше было целый час смотреть на солнце, чем одну минуту на этот огонек.

Вдруг этот огонек погас. И тогда стало видно, что там на самом верху копошится какой-то черный муравей. Потом этот черный муравей пополз вниз.

Он становился все больше и больше, и вдруг оказалось, что это вовсе не муравей, а рабочий в синем комбинезоне.

Потом в желтом заборе открылась какая-то дверца, и рабочий, нагнувшись, прошел через эту дверцу. В руке у него был желтый чемоданчик.

Рабочий был очень молодой и очень загорелый.

У него были ярко-голубые глаза.

«Может быть, они такие голубые, потому что он работает так высоко в небе?.. — подумал Детский Доктор. — Нет, конечно, я рассуждаю слишком наивно...»

— Вы уж извините меня, старика! — сказал Детский Доктор молодому рабочему. — Но я хочу вам сказать, что вы очень смелый человек!

— Ну что вы! — смутился молодой рабочий и стал еще моложе, и стал совсем похож на мальчишку. — Ну какая тут смелость!

— Работать на такой высоте! Разрешите пожать вашу руку! — разволновался Доктор и, поставив свой желтый чемоданчик на землю, протянул руку молодому рабочему.

Молодой рабочий тоже поставил свой чемоданчик на землю и пожал руку Детскому Доктору.

— Вы, конечно, в детстве любили драться? Я не ошибся?

Молодой рабочий покраснел и в смущении покосился на людей, стоявших в очереди.

— Да, бывало... Ну что вспоминать такие глупости...

— Это совсем не глупости! — воскликнул Детский Доктор. — С точки зрения науки... Но сейчас говорить об этом не время. Главное — это ваша удивительная смелость. Смелость — это...

— Наш автобус, — тихо сказала мама.

Но она сказала это таким голосом, что Детский Доктор сразу на нее посмотрел. Он увидел, что ее лицо побелело и стало каким-то каменным. Можно было подумать, что это не мама, а статуя мамы. А глаза, которые умели сиять, стали совсем мрачными.

Детский Доктор виновато втянул голову в плечи, подхватил желтый чемоданчик и полез в автобус.

«Ах я разбитый градусник! — думал он, стараясь не глядеть на маму. — Какая бестактность говорить в ее присутствии о смелости. Я врач и так грубо ткнул пальцем в рану. Да еще такая хорошая мама... Ах я дырявая грелка, ах я...»

ГЛАВА 2

Трусливый мальчишка

Мама открыла дверь и через темную переднюю провела Детского Доктора в ярко освещенную комнату.

Комнату заливало солнце.

Но как будто этого было мало. Под потолком горела большая люстра. На тумбочке стояла зажженная настольная лампа. А на столе лежал зажженный электрический фонарик.

— Петенька мой! — тихо и ласково сказала мама. — Это я пришла! Где ты?

Под кроватью кто-то зашевелился. Можно было подумать, что там лежит большая змея.

— Петенька! — опять тихо и ласково сказала мама. — Я здесь. Я не дам тебя никому в обиду. Вылезай, пожалуйста!

Из-под кровати показалась голова мальчишки.

Детский Доктор посмотрел на Петьку и улыбнулся.

Он терпеть не мог лечить мальчишек и девчонок, которые ему не нравились. А Петька ему сразу понравился.

То есть, конечно, не весь Петька, а только Петькина голова. Весь Петька был еще под кроватью.

Но у Петьки был хороший подбородок, симпатичные уши, торчавшие в разные стороны, а на носу были четыре замечательные веснушки.

— Вылезай, вылезай, — сказал Детский Доктор, радуясь, что Петька ему понравился. — Под кроватью темно, вылезай на солнышко.

Петька на животе осторожно вылез из-под кровати. Теперь он был похож не на змею, а на большую ящерицу без хвоста.

— Ну вставай, вставай, чего на полу лежать-то! — сказал Детский Доктор. — По полу, знаешь, иногда мыши ходят.

— Встань, Петенька, не бойся! — тихо и терпеливо сказала мама.

Петька встал. Теперь он был похож не на ящерицу, а просто на хорошего мальчишку.

Детский Доктор обошел вокруг Петьки, глядя на него своими опытными глазами.

— А ну-ка, согни руку, я посмотрю, какие у тебя мускулы!

Петька посмотрел на маму жалкими глазами и согнул в локте дрожащую руку.

— Совсем не так плохо! Совсем не так плохо! — довольным голосом сказал Детский Доктор. — А ну-ка, теперь подпрыгни!

Но вместо того чтобы подпрыгнуть, Петька обеими руками вцепился в спинку стула. Петька так в него вцепился, что его пальцы побелели, как отмороженные.

— Ну подпрыгни, сыночек! — тихо сказала мама. — Ну, пожалуйста. Это надо для лечения...

Петька с упреком посмотрел на маму и подпрыгнул.

По правде говоря, когда он подпрыгнул, между его подошвами и полом с трудом можно было просунуть мизинец маленького ребенка.

— Отлично, отлично! — сказал Детский Доктор и сел за стол. — Случай, конечно, запущенный, но не тяжелый. Сто грамм конфет «Настоящей храбрости» — и он будет здоров. Вот увидите: он сейчас съест одну конфетку и пойдет гулять во двор.

И тут глаза мамы, которые умели сиять, наконец засияли.

«Да, да, я не ошибся, — подумал Детский Доктор, — они могут сиять, ее глаза...»

— Неужели это правда? — сказала мама и засмеялась от счастья. — Ну тогда я пойду на работу, а то я уже совсем опаздываю. Мне и так придется бежать всю дорогу. Я только попрошу соседку, чтобы она посидела с Петенькой, и пойду.

— Никаких соседок! Никаких соседок! — строго сказал Детский Доктор. — Я категорически против соседок. Это может только повредить. Я сам прослежу, чтобы ваш сын как следует разжевал конфету «Настоящей храбрости» и проглотил ее. И все будет в порядке.

— Мамочка! — прошептал Петька.

— Не бойся, сыночек, надо слушаться доктора.

— Не уходи! — всхлипнул Петька.

— Но ты же слышал, что сказал Доктор. Все будет хорошо!

И с этими словами эта хорошая мама крепко поцеловала сына, крепко пожала руку Детскому Доктору и ушла.

Она ушла очень счастливая, и глаза ее сияли.

А Детский Доктор взял желтый чемоданчик и поставил его на стол.

Потом он потянул замки большими пальцами в разные стороны. Замки громко щелкнули, и чемодан открылся.

И вдруг Детский Доктор громко вскрикнул и уставился в открытый чемоданчик с таким видом, как будто он уставился в открытую пасть крокодила.

Потом он схватился руками за волосы и замер с открытым ртом. Потом он закрыл рот, опустил руки, схватил чемоданчик и вывалил все его содержимое на стол.

На стол тяжело упала толстая серая книга и металлический щиток с темным стеклом посредине. На книге большими буквами было написано «Верхолаз-электросварщик».

— Чемодан... — прошептал Детский Доктор белыми дрожащими губами. — Это не мой чемодан...

Петька хрипло заревел от страха.

Детский Доктор посмотрел на Петьку отсутствующими глазами.

— Это чемодан того храброго молодого человека, — простонал он. — Ну конечно, я не взял свой чемодан, а взял не свой чемодан. То есть я хочу сказать, что он взял мой чемодан, а не взял свой чемодан. А в моем чемодане лежат конфеты «Настоящей храбрости»... О-о-о...

Детский Доктор снова застонал таким ужасным голосом, как будто у него заболели сразу все зубы.

— Эти конфеты может есть только трус. А этот храбрый молодой человек и так слишком храбрый. Если он съест хоть одну конфету, он станет чересчур храбрым, и тогда... Нет, нет, его надо скорее найти! Вот тут на книжке написано: Валентин Ведеркин. Я должен бежать! — закричал Детский Доктор, поворачиваясь к Петьке. — А ты подожди тут маму!

Но Петька всей тяжестью повис на рукаве Детского Доктора. Слезы заливали все его лицо и, как серьги, болтались на оттопыренных ушах. Рукав затрещал. Еще немного, и Детский Доктор

отправился бы на поиски Валентина Ведеркина в пиджаке с одним рукавом.

— Я один не останусь! Я боюсь! — рыдал Петька.

— Тогда пойдем со мной!

— И с вами не пойду! Я боюсь!

— А чего ты больше боишься: оставаться здесь или идти со мной?

— Одинаково!

— Выбирай!

— Боюсь выбирать!

— Ну, решай, скорее!

— Боюсь решать!

— Ну, скорее!

— Боюсь скорее!

— Ну хочешь, я отведу тебя к соседке? Как ее зовут?

— Тетя Катя.

— Где она живет?

— Не знаю.

— Ну, в какой квартире?

— Не знаю.

— Ну, пойдем ее поищем!

— Боюсь искать!..

— Так мы с тобой до вечера проговорим! — закричал Доктор, бросаясь к двери. — А я больше не могу ждать!..

ГЛАВА 3

Валентин Ведеркин и его бабушка

Валентин Ведеркин стоял посреди комнаты и смотрел на потолок. Он был уже не в синем комбинезоне, а в красивом костюме.

Рядом с ним стояла его бабушка Анна Петровна и тоже смотрела на потолок.

Две пары голубых глаз смотрели на потолок.

На потолке было желтое пятно. Оно было совсем ни к чему на этом белом потолке в этой новой комнате.

— Течет, — вздохнула Анна Петровна. — Ночью дождик был, и опять протекло.

Анна Петровна была маленькая старушка с тихим, добрым лицом. У нее были добрые глаза, добрый рот и добрые брови. Даже нос и щеки у нее были добрые.

— Ты бы с управдомом поговорила, бабушка! — с досадой сказал Валентин Ведеркин.

Анна Петровна подняла на него кроткие голубые глаза.

— Я бы с ним поговорила, да вот он со мной говорить не хочет, — с огорчением сказала она. — Вон он, на лавочке сидит...

— Давай я с ним поговорю!

— Что ты, что ты, Валечка! Ты человек горячий! — испугалась Анна Петровна. — И голос у тебя такой, слишком громкий. Еще соседа нашего побеспокоишь. Я вот чай пью, так сахар в чашке не размешиваю. Боюсь, ложечкой звякну — потревожу его. Может, он сейчас отдыхает. Может, ему сегодня лететь... Ты иди, иди, милый, а то в кино опоздаешь...

Анна Петровна проводила внука в переднюю и закрыла за ним дверь.

«Надо же, какой отчаянный! — подумала она, на цыпочках возвращаясь в комнату. — Даже управдома не боится».

Анна Петровна села на стул и стала смотреть на желтое пятно.

Она смотрела на него и смотрела, как будто это пятно могло прибавить ей силы для разговора с управдомом.

Наконец она подошла к окну.

Управдом сидел на скамейке, смотрел на клумбу и о чем-то думал. У него было красное лицо и красная шея. Посреди красного лица торчал не очень красивый нос, похожий на большую грушу.

Анна Петровна долго откашливалась и даже сама себе улыбалась от смущения, а потом робко крикнула:

— Пожалуйста, будьте так любезны... Я вас очень прошу...

Домоуправ поднял голову и что-то зарычал. Анна Петровна поскорее ушла с балкона, хотя балкон был на пятом этаже.

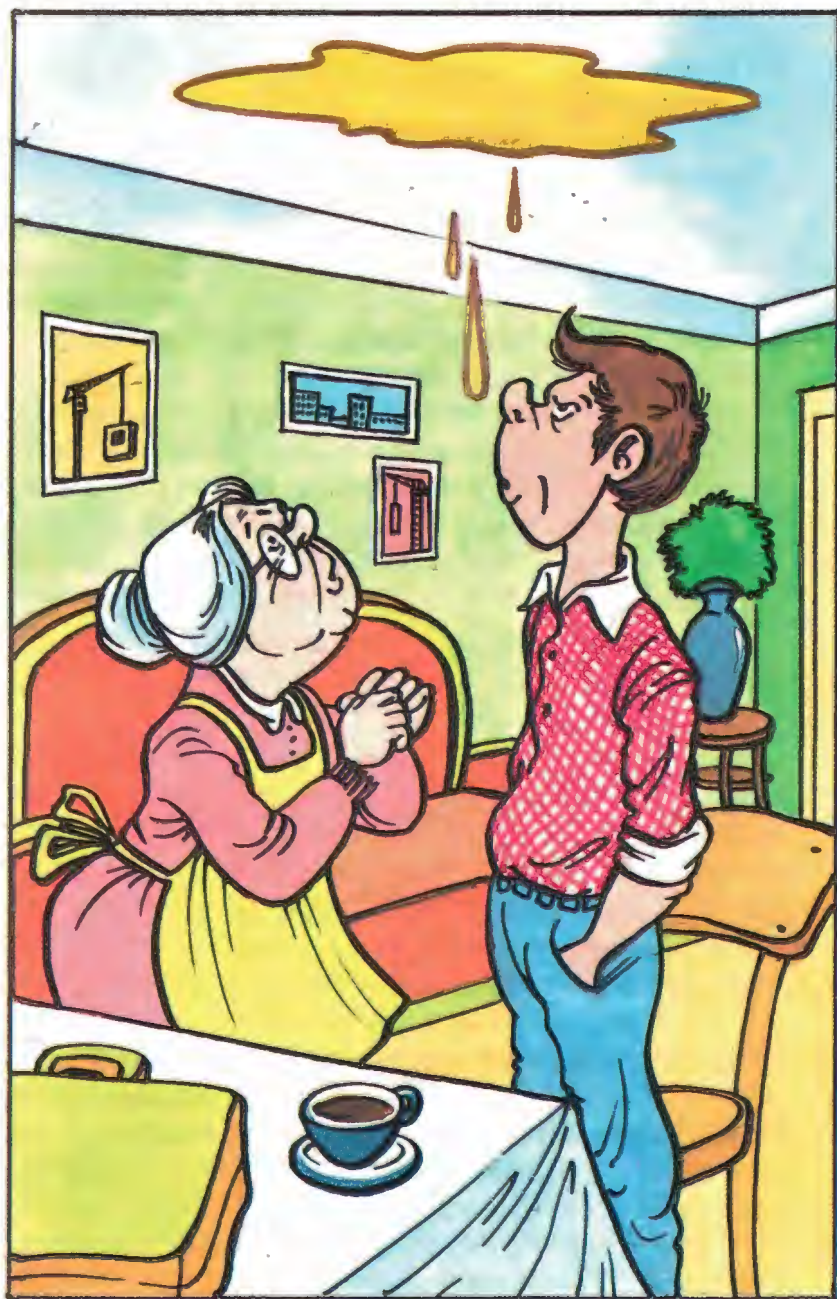
«Ну что ж, пятно — это только пятно... Не упадет же оно мне на голову, — подумала она. — Правда, вот осенью, когда пойдут дожди...»

Анна Петровна вздохнула и принялась за уборку. Она повесила в шкаф синий комбинезон. Потом она открыла желтый чемоданчик. Она всегда в нем тоже наводила порядок.

«Конфеты! — умилилась она, заглянув в небольшой бумажный кулек. — Ну совсем еще дитя, совсем дитя! Не может без сладенького. А конфеты какие-то интересные. Никогда таких и не видала... Надо попробовать...»

И тут эта милая, добрая старушка развернула конфетку и сунула ее в рот. Конфета была приятная, немного мятная, немного сладкая, а немного какая-то не поймешь какая. После нее во рту стало прохладно и даже весело.

«Очень хорошие конфеты! — решила Анна Петровна и съела еще одну. — Даже лучше

«Мишки». И недорогие, наверное. Только вот надо мне будет с управдомом еще раз поговорить, и посерьезнее...»

Вторая конфета ей показалась вкуснее, чем первая, и она съела еще одну конфету.

— И правда, какое безобразие, — сама себе сказала Анна Петровна. — На скамейке сидеть у него всегда времени хватает, а вот о жильцах подумать — на это времени у него нет. Ну, я до этого управдома еще доберусь!

В коридоре слышались шаги.

Анна Петровна подскочила к двери, распахнула ее и втащила в комнату высокого летчика.

У летчика было очень смелое лицо. У него были смелые глаза, высокий, смелый лоб и твердые, смелые губы.

Наверное, он ни разу в жизни ничего не пугался. Но сейчас он смотрел на Анну Петровну с изумлением и даже некоторым страхом.

— А ну-ка голубчик, сейчас же садись пить чай! — закричала Анна Петровна и стукнула кулаком по столу. (Старенький стол испуганно покачнулся. За всю его долгую жизнь в этой семье по нему никто не стучал кулаком.) — Как это так получилось, что мы живем в одной квартире, а я тебя, голубчик, еще ни разу не напоила чаем?

— Спасибо, Анна Петровна, — растерянно сказал летчик. — Я только что...

— Тогда хоть конфеты эти возьми, горе мое! — продолжала кричать Анна Петровна. — Знаю я вас!.. Небось в воздухе захочется сладенького! Вот и скушаешь!..

И с этими словами Анна Петровна высыпала весь кулек конфет в карман летчику.

— Ну, а как твоя грустная дочка Тома? Еще ни разу не улыбнулась? Надо будет ей тоже купить конфет!

Смелое лицо летчика потемнело. Наверное, когда его самолет шел в сплошных грозовых тучах, у него было такое лицо.

— Спасибо вам, Анна Петровна, но здесь конфетами не поможешь, — тихо сказал летчик, и его смелые губы дрогнули. — Тома перестала улыбаться с тех пор, как заболела ее мама. Вы знаете, ее мама две недели была тяжело больна. Сейчас она здорова. Но Тома с тех пор никак не может улыбнуться. Она разучилась. Я обратился к самому лучшему Детскому Доктору в нашем районе... Может быть, он заставит ее улыбнуться...

— Ничего, не отчаивайся, голубчик! — закричала Анна Петровна. — В ее-то возрасте!.. Это вот если в моем возрасте разучиться улыбаться! Ну, выпей-ка чаю! Я его сейчас подогрею.

И она так сильно толкнула летчика на диван, что все пружины квакнули, как лягушки.

— К сожалению, я должен идти, — сказал летчик, поднимаясь и потирая ушибленный локоть. — У меня сегодня полет, а я еще до полета хотел зайти к своему старому приятелю. Он работает в цирке укротителем. Там у них, знаете, разные дрессированные медведи, собачки, клоуны. Может быть, они рассмешат мою грустную девочку... И спасибо вам за конфеты...

Едва только за смелым летчиком закрылась дверь, Анна Петровна бегом бросилась к окну.

Управдом по-прежнему сидел во дворе на скамейке, по-прежнему смотрел на клумбу и по-прежнему о чем-то думал.

— Эй, голубчик! — так громко крикнула Анна Петровна, что воробьи с пискom посыпались во

двор. — Что за безобразие? А ну-ка сейчас же полезай на крышу!

Управдом поднял красное лицо и ухмыльнулся.

— Некогда мне тут по разным крышам лазить. У вас течет — вы и полезайте!

— Ах так?! Ну хорошо, голубчик!.. — закричала Анна Петровна. Анна Петровна еще больше высунулась из окна и обняла обеими руками голубую водосточную трубу, как будто это была ее самая лучшая подруга. Мелькнули в воздухе ее домашние тапочки с белым мехом.

Через минуту она с гордым видом стояла на пожарной лестнице.

Она посмотрела вниз и увидела задранное кверху лицо управдома. Оно было похоже на белое блюдечко, на котором лежала довольно большая груша. Управдом так побледнел, что даже шея у него стала совершенно белой.

ГЛАВА 4

На пожарной лестнице

Детский Доктор бежал по улице и тащил за собой дрожащего Петьку. Вернее, Петька летел по воздуху и только изредка отталкивался от земли носками своих ботинок.

Детский Доктор влетел в большую толпу, которая стояла прямо посреди улицы. Он чуть не сбил с ног высокую тетю в ярко-красной шляпе и какого-то рыжего мальчишку. Рыжий мальчишка стоял, задрав голову кверху, и держал не поймешь что на веревочке. Это было что-то серое и настолько мохнатое, что не было видно ни глаз, ни ушей.

«Гав-гав-гав!» — не переставая лаяло это серое и мохнатое.

Значит, скорее всего, это была собака.

А рыжий мальчишка не переставая говорил.

— А она ка-ак из окна высунется, — говорил рыжий мальчишка, — ка-ак закричит, ка-ак за трубу уцепится, вот так руками ее обхватит!...

С этими словами рыжий мальчишка крепко обхватил руками ногу какого-то высокого дяди.

— До чего довели пожилую женщину! До пожарной лестницы! — закричала высокая тетя в ярко-красной шляпе.

— Такая тихая старушка! Кошке на хвост наступит — извинится!

— Да уж, мухи не обидит!

— Какая муха? При чем тут муха? Муху-то не жалко обидеть! А вот человека обидели!

— Ай! Упадет! Упадет!

— Кто? Кто?

— Чуткости, чуткости не хватает! Если бы побольше чуткости, не полезла бы она на пожарную лестницу!

— Кто? Кто?

— Да Ведеркина из сороковой квартиры!

— Ведеркина?! — закричал Детский Доктор, хватая каких-то людей за локти.

Он поднял голову и застонал от ужаса.

На пожарной лестнице, почти под самой крышей, стояла маленькая старушка. Белые волосы выбились из-под платка с розовыми цветочками. Голубые глаза горели. А сатиновый передник развевался по ветру, как пиратский флаг.

Немного ниже ее, на пожарной лестнице, стоял человек с бледным лицом и протягивал к ней то одну, то другую руку.

Еще немного пониже стоял дворник в белом переднике.

А еще пониже стоял монтер с большим мотком проволоки через плечо.

— Слезьте, Анна Петровна, слезьте! — умоляюще кричал человек с бледным лицом. — Я вам слово даю: сейчас же сам полезу! Да держитесь вы крепче!

— Я-то держусь, а вот ты слово свое не удержишь! — спокойно сказала старушка и погрозила ему пальцем.

— Ай!.. — закричал человек с белым лицом.

— Ох!.. — простонал дворник, который стоял на несколько ступенек ниже.

А монтер, стоявший еще ниже, задрожал так сильно, как будто через него все время проходил электрический ток.

«Голубые глаза.. — подумал Детский Доктор. — Конечно, это его бабушка...»

Петька обнял Детского Доктора обеими руками, постарался засунуть голову ему под халат.

— А она ка-ак за трубу схватится, ка-ак по лестнице полезет, а они ка-ак закричат!.. — ни на минуту не замолкал рыжий мальчишка. — А сама руками вот так перебирает, а ногами вот так переступает...

«Гав-гав-гав!» — лаяла безухая и безглазая собака.

Наверное, она тоже была болтуня, только она говорила на собачьем языке.

— Анна Петровна, слезайте! — закричал Детский Доктор. — Произошло недоразумение!.. Вы съели конфету... и при ее помощи!..

— Карету?! — наклоняясь, закричала Анна Петровна. — «Скорой помощи»?! Молод ты еще, голубчик, так со мной разговаривать!

— Да нет! — Детский Доктор в отчаянии сложил ладони стаканчиком, прижал их ко рту и закричал изо всех сил: — Произошла ошибка!

— А я и не шибко! — с достоинством отвечала Анна Петровна. — Лезу себе не спеша на крышу, и все...

— У меня чемоданчик вашего внука! — уже в полном отчаянии крикнул Детский Доктор и поднял над головой желтый чемоданчик. Он поднял его с таким видом, как будто это был не чемоданчик, а спасательный круг.

— Валечкин чемоданчик! Как же это он у тебя очутился? — ахнула Анна Петровна и, быстро перебирая руками и ногами, стала спускаться вниз.

— Осторожнее! — закричала толпа.

— Ой! Она сейчас прямо на нас упадет! — прошептал Петька и согнулся, закрыв голову руками.

Но Анна Петровна, ловко ухватившись за трубу, уже нырнула в окно своей комнаты.

Детский Доктор побежал к подъезду. Петька бросился за ним.

На лестнице Петька отстал от Детского Доктора. Детский Доктор, как мальчишка, прыгал через две ступеньки. А Петька, как старый старичок, еле тащился вверх по лестнице, дрожащей рукой цепляясь за перила.

Когда Петька наконец вошел в комнату Анны Петровны, Детский Доктор уже сидел на стуле и со счастливой улыбкой вытирал со лба крупные капли пота.

А перед ним на столе стояли рядышком два одинаковых желтых чемоданчика.

— Дорогая Анна Петровна! Вот теперь, когда я вам все объяснил, вы понимаете, почему я так

разволновался... — с облегчением говорил Детский Доктор и никак не мог перестать улыбаться. — Значит, вы никогда не лазили по пожарным лестницам? Прежде вы за собой этого не замечали? Так сколько конфет вы съели?

— Три штуки, голубчик! — немного смущенно сказала Анна Петровна. — Так ведь я думала, что это Валечкины... А то бы я...

— Ничего, ничего. Их должно остаться еще больше десятка, — успокоил ее Детский Доктор.

Он открыл свой желтый чемоданчик, заглянул туда, а потом с удивлением посмотрел по сторонам.

— А где же они? Вы их, наверное, положили в какое-нибудь другое место?

Но тут с Анной Петровой случилось что-то странное. Она быстро заморгала своими голубыми глазами и закрыла лицо передником.

— Ой! — прошептала она.

Детский Доктор, глядя на нее, побледнел и привстал со стула.

Петька всхлипнул и спрятался за шкаф.

— Нет больше этих конфет, голубчик! — тихо сказала Анна Петровна. — Отдала я их!

— Кому?!

— Да нашему соседу... Летчику...

— Летчику?..

— Ну да... Испытатель он... Какие-то самолеты испытывает, что ли, — еще тише прошептала Анна Петровна из-под сатинового передника.

— О-о-о... — простонал Детский Доктор и сел на пол рядом со стулом. — Какой ужас! Если он съест хоть одну конфетку... Ведь все летчики такие смелые. Они даже слишком смелые. Их, наоборот, учат осторожности... О-о-о...

Анна Петровна опустила передник и шагнула к Детскому Доктору.

— Так что же ты на пол уселся, голубчик? — закричала она. — Потом посидишь на полу, если хочешь. А сейчас бежать надо, бежать! Где-то тут с тобой мальчишка был? В глазах что-то вроде мальчишки мелькнуло. Где он, мальчишка?

Она схватила Петьку за вихор и мгновенно вытащила его из-за шкафа, как вытаскивают морковь из грядки. Петька громко и жалобно заревел.

— Пойдешь во двор! — закричала Анна Петровна и вытерла его мокрый нос своим сатиновым передником. — Там найдешь такую грустную девочку Тому. Она где-нибудь там гуляет. Ты ее сразу узнаешь. Все девчонки хохочут, а она даже не улыбнется. Найдешь ее и спросишь, где ее папа... А мы тут пока...

— Я один не пойду!

— Вот еще!

— Я боюсь!

— Вот еще! — закричала Анна Петровна и вытолкнула его на лестницу.

ГЛАВА 5

Грустная девочка

Петька вышел во двор. Двор был чужой и страшный.

Около забора была навалена большая куча кирпичей и лежали толстые трубы. В такую трубу мог свободно залезть довольно большой зверь, а уж за кирпичами вообще мог спрятаться целый тигр или полслона.

«Мама, мамочка! — с тоской подумал Петька. — И зачем я только ушел из дому! Сидел бы дома под столом или лежал под кроватью... как бы хорошо было...»

Около сарая стояла группа мальчишек и девчонок. Они окружили рыжего мальчишку.

— А он ка-ак схватит чемоданчик! — быстро говорил рыжий мальчишка. — А она ка-ак закричит! А он ка-ак побежит! А она ка-ак в окно полезет! А я ка-ак...

«Гав-гав-гав!» — без передышки лаяла его безухая и безглазая собака.

Петька по очереди посмотрел на всех девчонок. Девчонки были розовые и веселые. Три девчонки улыбались, две смеялись, а одна девчонка, откинувшись назад, громко хохотала, и были видны ее белые зубы.

«Нет, здесь нет грустной девочки! — подумал Петька. — Может, она там, за сараем? Только как бы мимо этих мальчишек пройти...»

Петька, стараясь не смотреть на мальчишек, боком полез за сарайчик.

— Эй, ты! — сказал Петьке высокий противный мальчишка и ткнул в него пальцем.

На голове у противного мальчишки была маленькая панама. Наверное, он отнял эту панаму у какого-нибудь малыша.

Петька с тоской посмотрел на противного мальчишку и попробовал поскорее пройти мимо него. Но мальчишка ухмыльнулся и выставил вперед свою длинную ногу.

Петька споткнулся и кувырком полетел на землю.

— Ха-ха-ха! — противно захохотал мальчишка. Петька стукнулся об землю коленками, локтями, животом, подбородком и немного

носом. Но он даже не посмел зареветь. Ему казалось, что противный мальчишка сейчас бросится на него и разорвет его на кусочки.

Петька, дрожа всем телом, быстро уполз за сарайчик.

Здесь, в тени, росла трава и даже торчало два круглых одуванчика. Петька почувствовал животом, что земля здесь гораздо холоднее.

Он немножко успокоился и посмотрел вокруг. И тут он увидел грустную девочку. Он вообще никогда не видал таких девочек. Он даже не знал, что такие девочки вообще бывают на свете.

Она сидела на бревне, поджав под себя худые загорелые ноги, и прутиком рисовала на земле домики. Это были очень грустные домики. Окна у них были закрыты, а из труб не шел дым. Около домиков не было ни заборов, ни деревьев с круглыми яблоками.

Петька уставился на ее грустное лицо.

А какие ресницы были у грустной девочки! Пожалуй, даже слишком длинные. Петька, например, ни за что на свете не хотел бы иметь такие ресницы. Когда она посмотрела вниз на какую-то букашку, ресницы до половины закрыли ее щеки.

У Петьки, наверное, был очень глупый вид. Он лежал на животе, и круглый одуванчик покачивался около его носа. Но грустная девочка посмотрела на него и не улыбнулась.

— Эй, ты! Тебя зовут Тома? Да? — хрипло спросил Петька.

— Тома! — грустно и серьезно сказала девочка. — А чего ты тут ползаешь?

— Это я... так, — шепотом сказал Петька и оглянулся на сарайчик. — А где твой папа?

— А зачем тебе мой папа? — грустно и удивленно спросила Тома.

— Понимаешь, у него такие конфеты... — быстро зашептал Петька, подползая к ней поближе. — А они не простые... Если он их съест — беда... Он ведь летчик... а они...

— Беда? С папой беда? — Тома вскочила на ноги. Ее глаза так широко открылись, что на лице почти не осталось места для рта и носа.

— Ты куда? Я здесь один не останусь! — закричал Петька.

Петька тоже вскочил на ноги и схватил Тому за руку. Рука у Тома была очень худенькой, ненамного толще, чем лыжная палка. Тома посмотрела на Петьку огромными испуганными глазами. Она смотрела на Петьку, но казалось, что она его не видит.

— Бежим за мной! Там Детский Доктор... Ну, скорее же!... Я тебе все объясню...

Петька и Тома бегом бросились через двор.

Мальчишки и девчонки, стоявшие около сарая, вытаращили на них глаза и замерли с открытыми ртами. И только рыжий мальчишка продолжал что-то быстро говорить. И его безухая и безглазая собака тоже не переставая что-то говорила на своем собачьем языке.

Петька и Тома вбежали в квартиру.

Дверь в квартиру была открыта, но в квартире никого не было. Ни Анны Петровны, ни Детского Доктора. Только на столе рядышком стояли два желтых чемоданчика.

Тома заморгала глазами. На Петьку повеяло ветерком. Как будто мимо него пролетела птица.

— А где же все? Что ж теперь делать? — отчаянным голосом сказала Тома. — Надо искать папу! Надо ехать на аэродром!

Петька изо всех сил вытянул шею и осторожно заглянул в желтый чемоданчик Детского Доктора.

— Ой, там еще бутылка какая-то!. А вдруг в ней тоже что-нибудь опасное? И там еще что-то... Нельзя его здесь оставлять.

— Бери чемоданчик, и бежим! — закричала Тома.

ГЛАВА 6

Петька решает больше никогда не реветь

Петька и Тома выбежали на улицу.

В руках у Петьки был желтый чемоданчик Детского Доктора. В нем что-то булькало и перекатывалось с боку на бок.

Улица оглушила и ослепила Петьку.

Машины крутили колесами, фыркали и обдували его горячим воздухом. Солнце сверкало в их стеклах, как будто в каждой машине сидели десять мальчишек с зеркальцами в руках и пускали зайчики.

Петька на секунду зажмурился, и сейчас же ему на ногу наехало какое-то колесо.

— Ой! — закричал Петька.

Он открыл глаза и увидел детскую голубую коляску.

— Ну что же ты стоишь, мальчик? — сердито сказала толстая тетя, толкая его коляской.

Петька шагнул в сторону и налетел на какого-то дядю о портфелем.

— Куда же ты идешь, мальчик? — закричал дядя и ткнул его в бок портфелем.

Петька шарахнулся от него и налетел на какую-то старушку без портфеля, но зато с большой сумкой в руках.

— Куда же ты бежишь, мальчик? — закричала старушка.

Петька с беспомощным видом закружился на месте.

— Иди сюда, я тут! — услышал он Томин голос.

Тома стояла под большой круглой липой.

Ее лицо в зеленой тени казалось совсем бледным, а глаза были очень темными и мрачными.

Петька шагнул к ней, но в это время позади него послышался ужасный рев. Конечно, так мог реветь только огромный, страшный зверь!

Петька, еле дыша от страха, оглянулся и увидел крошечного малыша.

Малыш стоял около дверей булочной и отчаянно ревел.

Никогда в жизни Петька не видал таких некрасивых малышей. Глаз у него почти не было, а рот был огромный, как дыра в водосточной трубе. Наверное, мама, когда кормила его супом, совала ему в рот большую разливательную ложку.

Слезы двумя ручьями текли по щекам малыша, огибая огромный рот.

— Бою-у-сь!.. — орал малыш. — Мама-а!

Тома присела около малыша на корточки.

— Ну не плачь! Ну не плачь! Ну чего ты боишься! — сказала Тома и погладила малыша по желтой челке.

— Боюсь!.. — еще громче заорал малыш.

— Ну чего ты боишься, глупенький? Ты же не в лесу! Вон дяди и тети идут и смеются. Говорят: «Ай, как стыдно!»

— Боюсь!.. — кричал малыш, еще шире открывая рот и поливая Томины руки слезами.

— Что же делать? — Тома в отчаянии снизу вверх посмотрела на Петьку. — Не могу же я с ним остаться!... Ой, а вон наш троллейбус...

Дверь булочной хлопнула. Из булочной быстро вышла тетя с очень желтой челкой и очень голубыми глазами. В руках она держала два батона и булку.

— Мама! — сказал малыш и закрыл рот.

И тут Петька увидел, что это очень хорошенький малыш. Глаза у него были большие и очень голубые, а рот такой маленький, что туда с трудом влезла бы чайная ложка.

— Наш троллейбус! Ну садись же! — закричала Тома.

Она ухватила Петьку за руку своей маленькой рукой, еще мокрой от слез малыша. Петька, довольно громко стуча зубами, полез в троллейбус.

Петька никогда один не ездил в троллейбусах. Когда он был маленьким, он всегда ездил с мамой. А когда он вырос, все равно ездил с мамой, потому что боялся ездить один.

Он, дрожа всем телом, прислонился боком к какой-то строгой тете. У тети были строгие очки, строгие глаза под очками и строгий нос, похожий на птичий клюв.

Строгая тетя оттолкнула его от себя.

— Что с ребенком? — сказала она строгим голосом. — Он весь трясется... и потом в нем что-то стучит!

Петька быстро зажал рот рукою. Это стучали его зубы.

Его бедные зубы, которые болели после каждой ириски или пирожного. Но Петька все

равно ни за что не соглашался пойти к зубному врачу. Он так боялся бормашины, как будто она была хищным зверем и вместе с тиграми бегала по джунглям.

Строгая тетя наклонилась к Петьке и крепко ухватила его за плечо.

Петьке показалось, что она сейчас клюнет его своим строгим носом...

— Я бо... — прошептал Петька.

— Болен? Ребенок болен! — ахнула строгая тетя. — Больной ребенок едет в троллейбусе! Его надо немедленно отправить в больницу!

— Я не болен, я бо...

— Что «бо»?! — закричала строгая тетя.

— Я бо-юсь!

— Ребенок боится ехать в больницу! — снова закричала строгая тетя и еще крепче ухватила Петьку за плечо. — Надо скорее вызвать «скорую помощь»! Ему совсем плохо! Как он дрожит! Остановите троллейбус!

Петька покачнулся и закрыл глаза.

Он чувствовал сквозь рубашку твердые пальцы строгой тети. Как будто у нее была не обычная, человеческая рука, а железная.

Тома пролезла между строгой тетей и Петькой.

Она подняла голову и посмотрела на строгую тетю.

— Он не болен, — сказала Тома своим тихим и серьезным голосом. — Он боится... боится опоздать. Мы очень торопимся. Правда?

У Петьки с трудом хватило силы кивнуть головой.

Строгая тетя с сожалением выпустила Петькино плечо. Видимо, она все-таки считала, что на

всякий случай лучше остановить троллейбус и отправить в больницу этого дрожащего мальчика.

А Петька поскорее пробрался на свободное место, подальше от строгой тети и поближе к окошку.

Тома села рядом с ним.

И вдруг прямо в десяти шагах от себя за стеклом троллейбуса Петька увидел свой дом.

Розовый дом плавно уплывал назад.

А вместе с домом уплывал и голубой забор, и скамейка, и дворник в белом фартуке, и соседка тетя Катя.

Тетя Катя стояла рядом с дворником, и они улыбались друг другу. Петька вскочил на ноги.

— Ты куда? — удивленно спросила Тома.

— Я уже приехал... Все... Это мой дом...

— А разве ты... не со мной?

Петька посмотрел на Тому. Ее глаза были такими большими, что Петьке захотелось, чтобы они были хоть немножко поменьше. И не такие грустные. Бледные губы Тома дрогнули.

— Я с тобой, — буркнул Петька и снова сел на скамейку рядом с Томой.

С тоской посмотрел он на угол розового дома, на свой балкон, где мама повесила сушиться на веревке его трусы и старую ковбойку.

Троллейбус завернул за угол и быстро поехал по длинной улице, увозя Петьку все дальше и дальше.

Тома прижалась к окну лбом. Она тихонько стучала по стеклу кулаком и нетерпеливо шептала: «Ну скорее, скорее!» А Петька низко-низко опустил голову.

Что-то теплое и мокрое побежало у него по щекам.

Кап!.. — на светло-серых брюках появилось темно-серое круглое пятно.

И тут Петька почему-то вспомнил малыша, который стоял и плакал около булочной. Петька вспомнил его огромный рот и слезы, бегущие по щекам.

Петька сжал кулаки.

«Не зареву! Ни за что не зареву! Неужели у меня тоже такой вид, когда я реву? — подумал он и покосился на Тому. — Нет, больше никогда в жизни не буду реветь!»

ГЛАВА 7

Очень высокий и очень длинный забор

Петька и Тома бежали вдоль длинного забора. Петька старался бежать как можно ближе к Томе и даже несколько раз задел ее желтым чемоданчиком по ноге.

— А мой папа любит сладкое! — несчастным голосом прошептала Тома. — Он недавно с чаем целую банку варенья съел.

Ее ноги в коричневых тапочках замелькали еще быстрее.

— А ты знаешь, где аэродром-то? — на бегу крикнул Петька. — А может, мы не туда бежим?

— Ну да, не знаю! Он здесь, за этим забором. Там уже летное поле. Надо только до конца забора пробежать.

— Да... а он вон какой длинный... Это пока мы пробежим...

— Ой, правда! — Тома так резко остановилась, что Петька налетел на нее и ухватился за ее руку. — Давай через него перелезем!

— Да мы не пере...

— Ну как-нибудь! — Петька посмотрел на забор.

Пока он бежал вдоль этого забора, забор казался ему очень длинным, но совсем не казался высоким. Но когда Петька решил через него перелезть, ему показалось, что это самый высокий забор на свете. Он был до самого неба и даже еще немного выше.

— Этот забор знаешь какой длинный, — сказала Тома. — А так мы гораздо скорее... Как хорошо, что ты со мной пошел! Ты мне поможешь... Что бы я без тебя делала?

Тут Петька снова посмотрел на забор. И забор сразу показался ему намного ниже. Петька поставил желтый чемоданчик на землю, подпрыгнул и уцепился руками за верхнюю перекладину.

Петька никогда не лазил через заборы. Он никогда даже близко не подходил к заборами. Он всегда думал: «Зачем подходить к забору, когда еще неизвестно, что там за забором».

Ноги у него болтались в воздухе. Наконец ему удалось перекинуть одну ногу через верхнюю перекладину.

Петька сел верхом на забор. Сверху он увидел тонкий пробор на Томиной голове и узкие плечи.

— Давай руку, — сказал Петька, но не удержался на перекладине и, как мешок, свалился на землю по другую сторону забора

Он сел, потирая ушибленный бок и локоть.

— Отдай! Не трогай! Это не твой! Ай! — вдруг жалобно закричала Тома.

Голос у нее был такой, как будто она вдруг очень сильно заболела.

— Ха-ха-ха! — захохотал кто-то отвратительным смехом.

Петька вскочил на забор.

Он даже сам не понял, как это у него получилось.

Тома стояла и тянула к себе желтый чемоданчик. А рядом с ней стоял противный мальчишка в маленькой белой панаме и тоже тянул к себе желтый чемоданчик. И при этом он громко хохотал, показывая ярко-желтые, нечищенные зубы.

— Это мой чемодан! — закричал Петька.

— Ты еще откуда взялся? — захохотал мальчишка. — Твой чемодан? А что в этом чемоданчике?

— В нем?.. В нем?.. — растерялся Петька. — А в нем бутылка...

Противный мальчишка рванул чемоданчик, и Тома села прямо в лопухи, которые росли около забора.

— А что в бутылке?

— Я... Я не знаю...

— Значит, не знаешь? — захохотал мальчишка. — Так я и знал. Значит, чемоданчик твой, бутылка твоя, а что в бутылке — не знаешь!

— Там... там...

— А что еще в чемоданчике?

— Не знаю...

— «Не знаю, не знаю!» — передразнил его мальчишка. — А я знаю! Откуда это у тебя будет такой чемоданчик? Ты, наверное, украл этот чемоданчик!..

— Я не крал! — закричал Петька и свалился с забора.

— А ну-ка, ребята, посмотрите, что в чемоданчике! — крикнул противный мальчишка.

И тут только Петька заметил, что позади противного мальчишки стоят еще четыре мальчишки и среди них рыжий мальчишка с мохнатой собакой на веревочке.

Рыжий мальчишка схватил чемоданчик.

— Да это не его чемоданчик! — быстро заговорил он. — Это того дяденьки чемоданчик! Он его ка-ак поднимет!.. А та тетенька ка-ак закричит!..

«Гав-гав-гав!» — залаяла безухая и безглазая собака. Наверное, она тоже рассказывала про дяденьку и про тетеньку, а может быть, и про что-нибудь совсем другое.

Рыжий мальчишка открыл желтый чемоданчик.

— Тут какая-то бутылка! — закричал он. — Я сейчас ка-ак...

Тома громко заплакала.

— Эх ты, балда, еще с ревой связался! Ха-ха-ха! — захохотал противный мальчишка. — Ведь она рева, рева!

Петька посмотрел на Тому. Она сидела на земле, большие лопухи доходили до ее подбородка. Из лопухов торчала только ее голова и две руки, закрывавшие лицо.

— Она не рева! — закричал Петька и, сжав кулаки, бросился на противного мальчишку.

А мальчишка был высокий. А мальчишка был страшный. А мальчишка, наверное, дрался каждый день. А у мальчишки были такие большие кулаки, как будто у него было по десять пальцев на каждой руке.

Но все равно Петька не мог стерпеть, чтобы кто-нибудь обзывал Тому ревой. Даже если бы она редела с утра до вечера всю жизнь.

Петька ударил противного мальчишку кулаком прямо в нос. Противный мальчишка лягнул его ногой. Тогда Петька ударил его кулаком прямо

в подбородок. Противный мальчишка, как волк, лязгнул своими нечищеными зубами и свалился в лопухи.

Тем временем рыжий мальчишка, не переставая говорить, вытащил из бутылки пробку и поднес бутылку ко рту. Он сделал один большой глоток, потом второй и вдруг замер с открытым ртом.

Бутылка выпала из его растопыренных пальцев.

Белая жидкость потекла по лопуху, как по большой зеленой тарелке.

Безухая и безглазая собака, громко лая, начала лизать эту белую жидкость, и вдруг замерла, широко открыв пасть и высунув розовый язык. Оказалось, что у этой собаки все-таки был еще и язык.

— Смотрите, тут какая-то коробочка! — закричал самый маленький мальчишка в коротких штанах и подкинул вверх белую квадратную коробочку.

Коробочка открылась.

Тонкая, серебристая пыль окутала мальчишек.

— Ха-ха-ха! — звонко захохотал маленький мальчишка в коротких штанах.

— Ха-ха-ха! — захохотали другие мальчишки.

— Ой, я не могу! Держите меня, я сейчас упаду в лопухи!

— Какое смешное слово «лопухи»! Хи-хи-хи!

— Ха-ха-ха!!

Только рыжий мальчишка стоял, расставив руки, и молчал, наверное, впервые с тех пор, как родился.

Противный мальчишка вылез из лопухов. На носу у него была большущая шишка, и поэтому нос стал какой-то двухэтажный.

— Ха-ха-ха! — еще громче захохотали мальчишки, указывая на него пальцами.

— Ой, ребята!

— Ой, поглядите!

— А нос-то какой! Ну и носище!

Противный мальчишка закрыл панамой свой двухэтажный нос и заревел. Нос у него теперь стал такой большой, что маленькая панама оказалась на него в самый раз.

Но Петька и Тома всего этого не видели. Они давно были по другую сторону забора и со всех ног мчались к аэродрому. В руке у Петьки был пустой желтый чемоданчик.

ГЛАВА 8

Опять очень высокий и длинный забор

Анна Петровна и Детский Доктор бежали вдоль длинного забора. Они пыхтели, как два паровоза устаревшей конструкции.

— Уф, Анна Петровна, — на бегу проговорил Детский Доктор, — мы совершили, уф, две непростительные ошибки. Во-первых, уф, мы должны были взять такси, а во-вторых, уф, мы не должны были заходить к этому укротителю, уф!

— Но я думала, ох, что Томин отец у него, ох! Я же не виновата, ох, что мы никого не застали!

— А я, уф, никого не виню, уф! — на бегу крикнул Детский Доктор.

— Нет, я чувствую, ох, по вашему тону, ох, что вы считаете меня виноватой, ох! — на бегу ответила Анна Петровна.

— Я ничего не считаю, уф! Главное, уф, нам скорее попасть на аэродром, уф. Неужели, уф, этот ужасный забор, уф, никогда не кончится, уф?

— Но, ох, через него, ох, можно, ох, пе... ох, ре... ох, лезть!.. — С этими словами Анна Петровна высоко подпрыгнула и попробовала ухватиться за верхнюю перекладину. Но она тут же упала в лопухи.

Она лежала в лопухах, тяжело дыша, и была похожа на паровоз, свалившийся под откос.

— Анна Петровна, уф, я как врач, уф, увы, в нашем возрасте, уф... Но, может быть, здесь есть какая-нибудь калитка или дырка?

— Не может быть, чтобы не было калитки! — закричала Анна Петровна, вылезая из лопухов. — В жизни не слыхала, чтобы был забор без калитки!. На то он и забор, чтобы в нем калитку делать! Только где она?

— А вот идет какой-то мальчик! Мы у него спросим!

Действительно, им навстречу шел рыжий мальчишка. Позади него уныло тащилась безухая и безглазая собака. Ее розовый язык волочился по пыльным лопухам.

— Ох, это такой болтун! — с досадой поморщилась Анна Петровна. — Целый час будет болтать, пока... Эй, говори немедленно, где здесь калитка?

Но рыжий мальчишка с тоской посмотрел на нее и ничего не ответил.

— Где, где калитка? — снова закричала Анна Петровна.

Но рыжий мальчишка несколько раз открыл рот, как рыба, вытащенная из воды, и опять ничего не ответил.

— Да что с тобой такое? — закричала Анна Петровна и, оттолкнув рыжего мальчишку, бросилась вперед, как паровоз, который снова поставили на рельсы.

— Ха-ха-ха!

— Ой, братцы! Хо-хо-хо!

— Ой, не могу! Хи-хи-хи!

Детский Доктор и Анна Петровна замерли, потрясенные. Они увидели трех мальчишек.

Мальчишки лежали на земле. Они корчились от смеха, из глаз их лились крупные слезы, ослабевшими руками держались они за животы и хохотали не переставая. Самый маленький мальчишка в коротких штанах лежал на земле, задрав кверху розовые коленки. Он был похож на жука, который лежит на спине и никак не может перевернуться.

— Где здесь калитка? — закричала Анна Петровна, останавливаясь над ним и сжимая кулаки.

— Калитка? — в полном изнеможении простонал маленький мальчишка. — Ха-ха-ха!

— Калитка? Ну и смешное слово! Хо-хо-хо!

— Ха-ха-ха! Я сейчас лопну!

— Хи-хи-хи! Калитка! Я не могу остановиться!

— Ой, держите меня, братцы! Ха-ха-ха!

— Да что они все, с ума посходили, что ли? — в отчаянии закричала Анна Петровна. — Да я их всех сейчас...

— У нас нет на это времени! — крикнул Доктор, бросаясь бежать. — Нам надо торопиться! Мы и так уже...

Детский Доктор не договорил и побежал еще быстрее.

ГЛАВА 9

На аэродроме

Петька и Тома бежали по квадратным плитам аэродрома. Со стороны можно было подумать, что два очень молодых пассажира опаздывают на самолет.

На бетонированных дорожках стояли огромные, тяжелые самолеты, раскинув свои красивые крылья, и механики в синих комбинезонах поили их бензином и кормили маслом.

— Скорее, скорее! — закричала Тома. — Может быть, мой папа еще не улетел!

Из-за круглого белого облака вылетел самолет.

Он казался совсем маленьким. Он блеснул своим серебряным животом и кувыркком полетел вниз.

— Это папка! — закричала Тома и горестно всплеснула руками. — Я знаю, знаю...

Слезы бежали у нее по лицу, а ветер вытирал и сушил их.

А серебряный самолет, блестя, как рыбка, падал все ниже и ниже и только у самой земли

вдруг взмыл носом кверху и стал кругами уходить за белое облако.

«Ну ясно, он все конфеты съел!.. — холодея от ужаса, подумал Петька. — Еще бы немножко — и об землю...»

— Ай!

Прямо на них по длинной дорожке бежал огромный самолет. Он бежал прямо на Тому и Петьку и становился все больше и больше. И вдруг с грохотом и свистом он поднялся в воздух, на мгновение закрыв собой все небо.

Петька схватил Тому за руку и рванул книзу. Они упали на бетонные плиты.

Тяжелый грузный самолет быстро уменьшался, становясь легким и серебристым.

— Вы что тут делаете? — закричал молодой летчик, подбегая к ним.

Он был очень бледный. Глаза у него были холодные и злые.

Он крепко схватил Тому за руку, а Петьку за ухо и поднял их с земли.

— Нашли место, где играть! Да вы могли!.. Да вас он мог!.. Да от вас могло!..

И злой летчик с таким шумом выдохнул воздух, как будто он не дышал уже целый час.

— Нам нужен самый главный начальник! — отчаянно заорал Петька, обеими руками цепляясь за летчика.

— Вечно вы, мальчишки, что-нибудь придумаете! — еще больше разозлился молодой летчик, отдирая от себя Петькины руки.

— Нет, нам очень нужен главный начальник! Самый главный! Тут одни такие конфеты... Ес папа съел конфеты!... — попробовал объяснить

Петька и замолчал. По лицу летчика он увидел, что тот еще больше рассердился.

— Конфеты?! Ах, конфеты?.. А может быть, он еще и мороженое съел? А ну уходите отсюда сейчас же!

— Мой папа... — сказала Тома. Она все время стояла и смотрела на летчика исподлобья, а тут она подняла голову и посмотрела ему в глаза. И все, что Петька так безнадежно пытался объяснить ему словами, она каким-то образом объяснила ему глазами.

Лицо у летчика стало очень серьезным.

Он положил руку Томе на голову.

И Петька увидел, что рука у этого летчика очень добрая. Она ласково погладила Томины спутанные волосы.

— А ну, ребята, за мной! — сказал летчик и, повернувшись, быстро зашагал к невысокому зданию со стеклянной вышкой в конце летного поля.

В комнате, куда летчик привел Тому и Петьку, все стены были стеклянные. Можно было смотреть направо и налево и куда хочешь, и все было видно.

Никогда еще Петька не видел такой чудесной комнаты.

За столом сидел человек в летной форме.

У него были седые волосы и орлиный нос.

Этот человек был похож на смелого вождя какого-то индейского племени.

Если бы ему в волосы вставить длинные перья, надеть на шею бусы и раскрасить лицо... Нет, даже без этого он был похож на вождя индейского племени.

— Я — Тома Петрова! — закричала Тома, бросаясь к нему. — Мой папа...

И вот что произошло через полторы минуты.

Седой летчик, похожий на индейского вождя, нажал какую-то кнопку и придвинул к себе микрофон.

— Я — Река! Я — Река! — сказал седой летчик. Он немножко побледнел. А может быть, Петьке это просто показалось. — 403 — на прием! Вы меня слышите?

— Я — 403! Я — 403! Я вас слышу!

Голос был совершенно спокойный. Но Тома вздрогнула, потому что это был голос ее отца.

— 403, отвечайте. Вы ели сегодня конфеты?

— Что?!

— Отвечайте на вопросы. Вы ели сегодня конфеты... в розовых бумажках?

— В розовых бумажках?!

— Да, да! Вас угощала сегодня ваша соседка конфетами в розовых бумажках?

— Что?.. Ах да, вспомнил. Совершенно верно. Но...

— 403, вы ели эти конфеты?

— Нет.

— Уф!.. — сказал седой летчик. На мгновение он откинулся в кресле и закрыл глаза. Но это было только одно мгновение.

— Я вам категорически запрещаю есть эти конфеты.

— А у меня их и нет!

— Нет?!

— Нет.

— А... где же они?

— Я... Ах, да... Я заезжал по дороге к своему приятелю и оставил их у него на столе.

— А кто ваш приятель?

— Он укротитель зверей.

— Ой! Дядя Федя... — тихо сказала Тома и прижала руки к груди.

— А он смелый? — шепотом спросил Петька.

— У-у!.. Знаешь, какой он смелый... У него там львы... — тоже шепотом ответила Тома.

— Тогда бежим! — закричал Петька.

Вообще-то Петьке очень понравилось в кабинете самого главного летчика. Он бы даже охотно переехал жить в этот кабинет, если бы ему предложили.

Но сейчас надо было бежать.

Петька схватил Тому за руку и потащил ее из кабинета. Тома на бегу обернулась и крикнула: «Спасибо!» А Петька не оборачивался и только кричал: «Скорее!»

На лестнице их догнал молодой летчик.

— Постойте, постойте, ребята. Я поеду вместе с вами, — сказал он. — Идите вот сюда. Полковник дал свою машину.

И в этот момент, когда серая «Волга» заворачивала за угол, в конце аэродрома показались две странные фигуры.

Это был пожилой человек и старушка в домашних тапочках.

ГЛАВА 10

В цирке

Серая «Волга», скрипнув тормозами, резко остановилась. Петька, Тома и молодой летчик бросились вверх по плоским ступеням.

У Петьки закружилась голова от пестрых афиш. На афишах кто-то кувыркался, кто-то на ком-то стоял, кто-то открывал зубастую пасть.

Молодой летчик и Петька подбежали к окошечку, над которым выпуклыми буквами было написано «Администратор».

Два кулака сразу застучали в закрытое окошечко.

Петькин кулак был не очень большим и стучал не очень громко: тук-тук-тук!

А кулак молодого летчика был большой и тяжелый и стучал очень громко: трах-тах-тах!

Окошечко открылось.

Оно было ярко-желтым в темной стене.

Молодой летчик и Петька сунули туда головы и что-то закричали дикими голосами.

В окошечке показалась женская голова с большими удивленными глазами.

— Билетов нет. Уже второе отделение началось!.. — сказала женщина.

— А укротитель уже выступал?

— Наверное, как раз сейчас выступает!

— Скорее, скорее! — закричала Тома.

Ее голос в большом пустом помещении звучал как-то гулко и странно.

Толстая билетерша, стоявшая в стеклянных дверях, замерла, и рот ее тоже открылся, как окошечко.

Петька быстро проскочил мимо нее.

Он проскочил так быстро, как будто он был не мальчишка, а кусок ветра. Нет, он все-таки был мальчишкой, потому что сейчас же раздалось:

— Эй, мальчик, куда?..

И толстая тетя побежала за ним, громко шлепая подошвами.

Петька выбежал в круглый коридор. Тут всюду были зеркала и красивые картины.

В длинном зеркале Петька увидел толстую тетю и ее протянутую руку с растопыренными пальцами.

Петька быстро нырнул головой в какую-то бархатную занавеску. Но эта бархатная занавеска вдруг крепко схватила его за шиворот. То есть, конечно, это была не бархатная занавеска, а толстая тетя, которая его все-таки догнала.

Петька вырвался от нее и полетел куда-то кувырком, стучаясь лбом и коленками.

— Тише! Тише! Не мешайте!

— Чего вы тут?

— Как самое интересное, так...

Петька поднял голову и увидел круглую, ярко освещенную арену. Над ней на высоком темном потолке сияли и горели сотни ламп и прожекторов.

А внизу на сверкающем желтом песке стояли три ящика. А на каждом ящике сидело по-настоящему живому льву.

На самом большом ящике сидел самый большой лев, открыв свою большую пасть. А какой-то человек в ярко-голубом фраке засовывал свою несчастную голову прямо в его открытую

пасть. А лев, как нарочно, был очень большой, и пасть у него была просто огромной.

А человек в голубом фраке все глубже и глубже засовывал свою голову ему в пасть.

Петька увидел бледное ухо укротителя и кусок его шеи.

«Он! Дядя Федя!.. — как молния пронеслось в голове у Петьки. — Он все конфеты съел — и...»

— Держите его, остановите его ... Он сейчас что сделает!.. — заорал Петька отчаянным голосом и бросился вперед, протягивая к укротителю руки.

Но толстая тетя поймала его в воздухе и опять крепко ухватила за шиворот.

Петька забился у нее в руках, что-то крича и брыкаясь, как лошадь. Но эта опытная тетя, которая, наверное, тоже когда-то работала укротителем, не выпустила его из рук.

В этот момент человек в голубом фраке вынул голову из-пасти льва. Громко заиграла музыка, а все зрители захлопали и закричали от восторга.

Укротитель стал улыбаться и кланяться, приглаживая волосы, которые немножко растрепались в пасти у льва.

Тут откуда-то появилась красивая тетя в необыкновенном платье. У Петькиной мамы не было ни одного такого платья. Оно все блестело и сверкало. И тетя в нем была похожа на русалку без хвоста.

Она хлопнула в ладоши, и откуда-то выбежало пять маленьких собачонок. Они были очень маленькие и кудрявые.

На них были банты нежных цветов.

И все они шли на задних лапках.

Тут укротитель в голубом фраке пощелкал тонким хлыстом, и два льва послушно слезли со своих ящиков.

Но самый большой лев, с самой большой пастью, только посмотрел на укротителя и зарычал неприятным голосом.

Может быть, он раскаивался, что не откусил голову укротителю, когда это было так просто сделать, а может быть, он вообще любил сидеть на больших ящиках.

Укротитель изо всех сил защелкал своим тонким хлыстом, но большой лев только оскалил свои длинные зубы и зарычал еще громче.

И тут случилось что-то совсем невероятное.

Пять крошечных собачонок бросились на огромного льва. Они были такие маленькие, что лев одним ударом своей большущей лапы мог убить сразу троих таких собачонок, а двумя ударами их всех и еще одну.

Но крошечные собачонки, громко пища своими кошачьими голосами, стали прыгать на огромного льва. Они кусали его, царапали, а одна собачка с розовым бантом повисла у него на хвосте.

Огромный лев прыгнул с ящика и, трусливо поджав хвост вместе с висящей на нем собачонкой, бросился бежать вдоль арены. А собачонки визжали и бежали за ним, и вид у них был такой, как будто они сейчас разорвут его на крошечные кусочки.

Ох, что тут началось!

Зрители просто попадали со стульев от смеха.

— Ха-ха-ха!

- Нет, вы только поглядите на его морду!
- В жизни не видала таких собачонок! Ну какие же смелые! Просто ужас!
- Нет, вы посмотрите, посмотрите!
- Вот это дрессировка!
- Ха-ха! Никогда так не смеялся!
- Ой, за ухо его укусила! Ну и собачонка!
- Что это за порода такая? Храбрее овчарок!

Укротитель в голубом фраке уронил свой тонкий хлыст на песок и побледнел. Даже когда его голова была в пасти у льва, он и то был не такой бледный.

Он с растерянным видом посмотрел на блестящую тетю. Но та стояла, бессильно опустив руки, и, приоткрыв рот, глядела на своих собачонок.

И вдруг Петька услышал чей-то удивительный смех. Он был счастливый и нежный и какой-то неуверенный. Как будто человек, который смеялся, не умел смеяться.

Петька оглянулся и в двух шагах от себя увидел Тому.

Тома смотрела на собачонок и смеялась.

ГЛАВА 11

Все объяснилось

Через полчаса все собрались в маленькой комнатке укротителя. В полуоткрытую дверь доносилось рычание, хрюканье и еще какие-то очень приятные звуки.

Народу собралось столько, что было просто негде повернуться.

В комнате были и Детский Доктор, и Анна Петровна, и молодой летчик, и Петина мама, и даже летчик средних лет — Томин папа.

Все стояли и гладили по голове сначала Тому, а потом Петьку, а потом опять Тому, а потом опять Петьку.

А на маленьком столике, где лежали запасной хлыст и красивый пистолет, весь в каких-то драгоценных камнях, лежала куча розовых бумажек. Это было все, что осталось от конфет «Настоящей храбрости».

— Я до сих пор не могу прийти в себя! — сказала блестящая тетя, моргая глазами. — Вы понимаете, я репетировала со своими собачками новый номер. Они работали очень хорошо, и я дала каждой из них по две конфетки. Я же не знала... я же не думала...

Блестящая тетя с некоторым страхом покосилась на розовые бумажки.

— Все получилось хорошо! Номер имел громадный успех! — сказал дядя Федя, потирая свои большие руки.

Тут все рассмеялись, а громче всех рассмеялась Тома.

— Какая у вас милая, веселая девочка! — сказала Петина мама Томиному папе.

— А у вас такой чудесный смелый сын! — сказал Томин папа Петиной маме.

И тут глаза у мамы просто засияли, как две звезды, и Петька увидел, что хотя у мамы нет такого замечательного платья, но зато она еще красивее, чем блестящая тетя.

— Да, знаешь, папа, какой он храбрый! — сказала Тома. — Он знаешь как меня защищал! Он даже дрался с хулиганом Гришкой. А Гришка, знаешь, уже в пятом классе учится.

— Пороть их всех надо! — решительно сказала Анна Петровна и махнула рукой. — Тогда и драться не будут.

— Что вы! Что вы! — разволновался Детский Доктор. — Насчет порки, Анна Петровна, я совершенно с вами не согласен. Я уже второй год работаю над книгой «Роль справедливой драки в нормальном развитии мальчишки»... Я собрал огромный материал... Мальчишки обязательно должны драться. Но если подходить с точки зрения строгой науки, то вы увидите, что драки бывают хорошие и плохие. Вот если большой мальчишка бьет маленького... Это плохая драка. Такая драка очень вредна для характера и нервной системы ребенка. Подробно я остановился на этом вопросе в пятой главе. А вот во второй главе описываю пять видов хорошей драки: первый вид — защита малышей, второй — защита девочек, третий — борьба с хулиганами более старшего возраста, четвертый...

— Да, я тоже в детстве любил драться! — улыбнулся Томин папа. — Также не давал в обиду девчонок и малышей!

— Это хорошая драка второго и первого вида, — просиял Детский Доктор. — И ваш смелый сын, Анна Петровна, с которым я обменялся чемоданчиком... Кстати, где мой чемоданчик?

— Вот он. У меня, — сказал Петька.

Детский Доктор открыл желтый чемоданчик.

— Но он же пуст! — удивился он. — А где же?..

И тут Тома и Петька, перебивая друг друга, рассказали Детскому Доктору, что случилось с антиболтином и порошком смеха.

— Так вот почему этот болтун нам ничего не ответил! — воскликнула Анна Петровна.

— Да, да! Я сразу заметил, что смех этих мальчиков искусственного происхождения!.. — сказал Доктор.

— А это не опасно? — заволновалась Анна Петровна. — Все-таки дети... Неужели они навсегда?..

— Нет, нет! — успокоил ее Детский Доктор. — Острое состояние скоро пройдет. Но, вероятно, болтун перестанет быть болтуном, а эти мальчишки еще месяца два будут смеяться по любому поводу.

— Можно вас на одну минуточку, доктор? — спросила Петина мама.

Прямо перед собой Детский Доктор увидел ее большие, немного встревоженные глаза.

— Вы понимаете, Доктор... Все-таки Петенька не съел ни одной вашей конфеты. А вдруг он опять?..

— Это исключено, — весело сказал Детский Доктор и похлопал Петину маму по руке. — Вы можете совершенно не волноваться. Ваш сын Петя теперь никогда ничего не будет бояться. Когда сама жизнь делает человека смелым... это действует гораздо сильнее, чем любые лекарства. И вообще, если можно обойтись без помощи медицины... Вот и Тома тоже... Она снова научилась смеяться!

Тут все попрощались с укротителем и блестящей тетей и вышли на улицу.

На улице уже стемнело. На высоких столбах зажигались круглые желтые фонари. Прохладный ветер приятно гладил разгоряченные лица.

— И все-таки, голубчик, нечего вам радоваться! — сердито сказала Анна Петровна. — Вот

смотрите, какую беду вы чуть не натворили с вашими конфетами... Все-таки надо поосторожней...

— Да, да! — задумчиво проговорил Детский Доктор. — Теперь я буду осторожнее. Я, знаете ли, даже не думал, что я создал такой опасный препарат. Мне просто не пришло в голову, что... Но теперь я знаю. В нашей стране, где люди такие смелые...

— Вы правы... — сказал Томин папа и замолчал.

Он услышал, как Тома, которая шла впереди рядом с Петькой, чему-то радостно засмеялась.

ГЛАВА 1

Сундучок

Дело дрянь! Надо решаться!

Но то, что Сашка задумал, почему-то нельзя было сделать дома. Нельзя, и все. Сашка сам даже не знал почему.

И вот его словно каким-то ветром занесло в темный подъезд Каткиного дома. Это был, наверно, самый старый дом в их городе. Только церквушка на том берегу реки, напротив стадиона, была, наверно, еще старинней.

Сашка попробовал пристроиться к высокому пыльному окну, где в паутине брыкалась и уныло жужжала муха.

Но по старой Катькиной лестнице все время без толку ходили какие-то люди. Одни вверх, другие вниз. И уже две какие-то старушки подозрительно оглядели Сашку. Потом они с понимающим видом переглянулись и обе покачали головами.

Нет, здесь было неподходящее место. Сашка боялся: только он откроет портфель, тут же из-за его плеча вылезет чей-нибудь длинный нос: «А ты чем тут занимаешься, мальчик, а-а?»

Сашка стал подниматься вверх по лестнице. Но всюду за дверьми были люди. Они смеялись, разговаривали, что-то заколачивали.

Невольно став на цыпочки, Сашка осторожно прошел мимо двери, на которой висела табличка.

«Зубной врач Петрова. Лечение и удаление зубов без боли».

По спине пробежал неприятный холодок.

Из-за двери, обитой толстой черной клеенкой, до Сашки донесся гнусный скрежет бормашины и чей-то стон.

— И нисколечки не больно, — проскрипела доктор Петрова.

Никакая клеенка не могла заглушить ее голос.

Сашка поднялся на самый верх.

Здесь была только одна дверь, забитая грубыми, шершавыми досками. Сашка отодрал доску, державшуюся на ржавом гвозде, и боком пролез на чердак.

На чердаке царил темнота. Свет еле-еле проходил через полукруглое окно, похожее на кошачий глаз.

Из темноты отовсюду вылезал какой-то хлам. От пыли и паутины все казалось косматым и лохматым.

Велосипед с одним колесом обнял рулем сломанный стул. Сбоку к нему пристроилось потухшее зеркало.

В глубине под досками что-то слабо блестело. Что-то круглое, металлическое. Сашка изо всех сил вытянул шею. Не разберешь: не то самовар, не то рыцарский шлем.

Сашка осторожно протянул в темноту руки и тронул пыльные доски. Неслышно рвалась под пальцами паутина. Кто-то маленький, у кого было очень много ног, побежал по Сашкиной руке прямо в рукав. Сашка яростно затряс рукавом.

Да... Этот чердак не простой! А чего удивляться? В Катькином доме и чердак должен быть не такой, как у других. Порыться бы тут неплохо. Но только не сейчас. Сейчас не до этого.

Сашка сел на ящик у окна. Вернее, это был не ящик, а какой-то старый, хлипкий сундучишко. Он пронзительно скрипнул, да весь так и заходил под Сашкой, как живой, когда тот на него уселся.

Со вздохом, похожим на стон, Сашка вытащил из портфеля дневник и раскрыл его.

Сердце тоскливо сжалось.

Вот она, проклятая. Двойка. Стоит себе, как миленькая. Такая закорючка, а всю жизнь человеку портит.

А ведь до этого все было просто прекрасно. До Сашкиного дня рождения оставались всего пятница и суббота. Надо было только их как-нибудь прожить, протерпеть, и все. Ну, спать, что ли, побольше, чтобы время поскорей прошло.

А в воскресенье папа обещал покатать весь Сашкин пятый «А» на своем катере «Степан Разин». Папа был там капитаном.

И Сашка миллион раз представлял себе, как он стоит на носу катера рядом с Катей. Лед сошел совсем недавно. Еще вполне может пойти дождь, а то и снег.

Он дождется, когда Катя как следует промерзнет, задрожит, как овечий хвост, и ее знаменитая челка намокнет.

Тогда он снимет с себя и отдаст ей все: и шарф, и пальто, и шапку. И Катя поглядит на него своими светлыми взрослыми глазами.

А может быть, и спасти ее удастся. Вдруг повезет, и она свалится за борт. В крайнем случае дать ей как-нибудь пинка незаметно. Борька начнет кричать, придумывать что-нибудь умное. А Сашка нет, он думать не будет. Он раз за борт — и спасет. А когда уж он ее спасет, всем будет наплевать, как она там очутилась.

Но теперь все лопнуло. Потому что папа был просто какой-то ненормальный с этой математикой.

Нет, это не зря говорят, что понедельник — самый несчастный день. Контрольная была как раз в понедельник. И вот пожалуйста — двойка.

Сашка проглотил колючую слюну. Он решительно вытащил из пенала ластик, потер грязный уголок о штанину и, задержав дыхание в груди, осторожно стал стирать двойку.

Стирать ее надо было ой как осторожно. Бумага так и сходила пленками.

Сашка поерзал на сундуке, чтобы усесться поудобней. Но вдруг под ним что-то хрюкнуло, хрустнуло, подломилось, и Сашка ухнул вниз, прямо в сундучок, так что коленки оказались

выше головы. Острая щепка уперлась в бок. А слева был еще гвоздь. Он прошел через штаны и немного уже вошел в Сашку. 7

Сашка глянул на дневник и с шипением втянул в себя воздух. На месте двойки чернела дыра.

Он яростно и бестолково забарахтался, стараясь вылезти из сундучка.

Сам все испортил! Такой дневник и вовсе папе не покажешь. По этой дырке кто хочешь сразу обо всем догадается.

Наконец Сашка с трудом встал на ноги. Не выдержав, со злостью изо всех сил ударил сундучок ногой. Сухие звонкие доски развалились, разлетелись в стороны.

Вот тут-то Сашка все и увидел.

На дне сундука горкой, одна на другой, лежали какие-то удивительные книги.

Книги были не простые. Это Сашка сразу понял. Наверно, таких ни в одной библиотеке не сыщешь. Разве только в музее.

Книги были старинные, даже совсем древние. С застежками из меди, а может, и из золота. А уж толстые! Одна книжечка как папин портфель.

Двумя руками Сашка с трудом поднял верхнюю книгу. До чего ж тяжелая! А пылищи на ней...

Сашка плюнул на обложку и растер рукавом.

На старой темной коже блеснули глубокие золотые буквы. Сашка прочел:

«ПОЛНАЯ ВОЛШЕБНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

Внизу блестели золотенькие буквы поменьше.

В шести томах.

Том 1.

Эти слова как-то не сразу дошли до Сашки и вдруг словно взорвались в нем. Сашка покачнулся. Его руки судорожно вцепились в книгу, будто она могла вырваться от него, удрать или улететь, как птица.

Тихонько, осторожненько, боясь дохнуть, Сашка открыл книгу. Буквы так и запрыгали у него перед глазами: тяжелые, красивые, все в завитушках.

«Ведь-ма о-бык-но-вен-ная», — по складам прочел Сашка. В голове было пусто и гулко. — Ух, ты! Ведьма! А в скобках вон еще написано: «На помеле и без помела». «Волшебники добрые». «Волшебники злые». «Вруны и вранье». И еще стихи какие-то.

Не веря своим глазам, Сашка прочел:

Волки, войте на луну!
Раки, ползайте по дну!
В полночь каркнет воронье,
И станет правдой все вранье!

Окер-покер,
Доминокер,
Спин-спан,
Мускидан.

Этот «окер-покер» вдруг как-то остро огорчил Сашку. Он как-то все испортил. Из-за него все сразу стало каким-то дурацким, несерьезным. Разве так должно быть, если все настоящее, волшебное?

Сашка стал читать дальше:

«Примечание I. О, врун! Твое вранье станет правдой, только если тебе поверят. Если тебе не поверят, твоё вранье останется просто враньем.

Примечание II. О, несчастный! Если ты, сгибаясь под тяжестью вранья, захочешь, чтобы все было опять, как прежде, то...»

Дальше почти ничего нельзя было разобрать. Низ страницы был весь в дырках и пятнах. Как будто книгу грызли мыши. Да еще к тому же кто-то из волшебников читал ее за обедом и переворачивал страницы жирными пальцами.

Сашка с трудом прочел:

Мне свидетель звездный Лев,
Свет Стрельца и Водолея!
Волшебства сломай печать!
Только жи... не жа...
И себя преодо...
Смо.. сно... все на...

Нет, ничего толком не разберешь, особенно последние строчки.

Но Сашка не стал ломать голову, догадываться, что там написано. Подумаешь, звездный Лев какой-то... Челуха!

Главным было совсем другое. Волшебство! Неужели и вправду... оно существует?

Сашка задохнулся. Он шагнул к окошку, высунулся и жадно глотнул острого, холодноватого воздуха.

Он увидел пустой солнечный двор. Красный зонт переходил улицу. В доме напротив на балконе какая-то тетя с голыми руками, закутав голову теплым платком, била палкой ватное одеяло. На карниз сел такой славный воробей. Потом прилетел раскормленный, жирный голубь.

Все было совсем простое, обыкновенное. Да нету никакого волшебства. И быть не может. Это еще Анна Семеновна в школе объясняла. Откуда ему взяться?

Сашка оглянулся во тьму чердака. Может, и книг нет никаких, просто померещилось?

Но нет. Старые книги по-прежнему лежали среди груды досок, все так же важно и слабо поблескивая из темноты медью застежек.

Так... А их, что ж, выходит, просто так писали? Для шуточки?..

Нет... Может, оно все же есть, это волшебство. Ну, не на солнышке, не во дворе, а ночью или тут на чердаке. А что? В этом доме прежде жил волшебник. Потом он умер, потому что волшебники ведь тоже умирают, и вещи его снесли на чердак. А может, он и просто так приходил сюда поколдовать, потому что при соседях неудобно. Похоже, что все было именно так. Ну, а если это правда, то тогда, тогда...

Все равно, как бы то ни было, а заклинание надо прочесть. Хотя бы на всякий случай...

Сашка не своим, каким-то охрипшим голосом прочел:

Волки, войте на луну!
Раки, ползайте по дну!
В полночь каркнет воронье,
И станет правдой все вранье!

Окер-покер,
Доминокер,
Спин-спан,
Мускидан.

Никогда Сашка так не старался. Даже когда читал в школе на вечере «Белеет парус одинокий». Его голос звучал как-то очень странно на черном чердаке. Вспугнутая темнота шевелилась в углах.

Сашка бережно закрыл книгу, положил ее к остальным и сверху завалил досками. Ему показалось, что доски снизу слабо светились красноватым светом. Нет, это просто луч солнца как-то продрался сквозь пыльное окошко и стрельнул в глубь чердака.

Сашка дрожащими руками сунул дневник в портфель, неуклюже пролез в щель и снова заложил ее корявой доской.

ГЛАВА 2

Великое разочарование

Сашка с трудом спускался по ступенькам. В ногах была какая-то дрожь и слабость.

На третьем этаже Сашка нос к носу столкнулся с Лелькой, Катиной сестрой.

Вообще-то он этих первоклашек просто сметал со своего пути.

Он двигался прямо на них, как танк, и это уже было их личное дело — разбежаться, отскокить в сторону или попасть под танк. Он никогда на них и не глядел даже. Они все казались ему одинаковыми, на одно лицо.

Но Лелька как-никак приходилась Кате сестрой. Поэтому Сашка один раз все-таки поглядел на нее и вдруг ужасно ее пожалел.

Она была совсем маленькая, наверное, меньше всех в классе, задохлик какой-то. С острым носом и прозрачными глазами. Двух верхних зубов у нее не хватало, и Сашка от этого жалел ее еще больше. Она вечно ревела во дворе из-за всякой чепухи. Катя на это не обращала никакого внимания, даже головы не поворачивала, будто не слышала. Но у Сашки почему-то от ее рева портилось настроение.

Сашка, конечно, стеснялся утешать ее при Катке. Но иногда он даже думал, что неплохо бы и ему как-нибудь обзавестись такой сестренкой.

— Ты грязный, — робко сказала Лелька.

Сашка ударил себя руками по бокам, и из него во все стороны полетела пыль. Но он только рассеянно посмотрел, как она тает в воздухе.

«На Лельке испробую... — вдруг решил Сашка. — Она подходящая... Она чему хочешь поверит. Ведь тут главное, чтобы поверили...»

— Лелька, — с трудом выговорил Сашка. У него словно язык распух. — Я сегодня пятерку по математике получил. Пятерку.

Сашка напряженно вглядывался Лельке в лицо. Ему хотелось вдолбить в нее это слово.

— Пя-тер-ку! — повторил Сашка.

Лелька посторонилась, чтобы пропустить его. В ее лице мелькнул испуг. Чего это он с ней разговаривает? Поговорит, а потом как наподдаст...

— Ой, ты.. — тихо сказала Лелька и прижалась спиной к темной стене. — А я тройку по чистописанию...

Сашка бросился мимо нее вниз по лестнице.

«Поверила, поверила! — повторял он про себя, прыгая по ступенькам. — Она такая. Теперь все. Теперь у меня в дневнике пятерочка. Заполучил. Это уж точно!»

Портфель сразу показался ему тяжелее. Он словно увидел эту пятерку, огромную, золотую, прямо во весь портфель.

Ручка портфеля так и жгла ему пальцы.

Сашка пулей вылетел во двор.

Во дворе было солнечно и тихо. Мимо уха сладко и сонно пропела пчела.

Сашка вломился в кусты, хрустя ветками, продрался к самому забору. Из-под куста, шипя, вылетела худая серая кошка, держа что-то в зубах. Сашка так вздрогнул, что чуть не выронил портфель.

Голые, без листьев ветки плохо загораживали его. Конечно, его могли увидеть и с улицы, и со двора. Но Сашка не стал искать места поукромней. Он упал на колени и дрожащими пальцами стал расстегивать и дергать портфель. Вытащил дневник. Пальцы были как вареные. Толстые,

нескладные. От нетерпения рот у Сашки пересох, будто он съел промокашку.

Дневник перелистывался невыносимо медленно.

Неделя.

Еще неделя. Ну же, ну! Вот!

Сашка вяло выпустил дневник из рук. Никакой пятерки не было и в помине. В дневнике по-прежнему зияла треугольная рваная дырка. От разочарования и яркого солнца слезы навернулись на глаза и потек нос. Эх!.. Чему поверил! Океру-покеру! Вот Борька умный, он бы никогда не поверил... Если бы Катя узнала, во было бы смеху!

Познакомьтесь, пожалуйста, будьте любезны! Волшебник Саша Кукушкин из пятого «А»!

Весь класс бы под парты свалился.

ГЛАВА 3

Пятерка по математике.

Дома никого не было. Сашка прошел на кухню. Тронул пальцем окоченевшие макароны на сковородке. Есть совсем не хотелось.

Прямо в ботинках лег на диван.

Как уговорить папу? Конечно, если на это дело мобилизовать маму... Но все равно, папа такие слова знает... Лучше ежа проглотить, чем их слушать.

Сашка повернул голову и в тоске укусил подушку.

В папа-маминой комнате зазвонил телефон. Сашка еле сполз с дивана. Он весь разъезжался в разные стороны, как тесто.

— Саша? — спросил знакомый, немного железный голос.

— Я, Анна Семеновна, — убито сказал Сашка. Чего еще ей надо? Поставила двойку — проходи!..

— Родители дома? — спросила Анна Семеновна.

«Нажаловаться хочет», — ужаснулся Сашка.

Сашка с ненавистью представил себе ее бледное полное лицо. А ведь когда он получал пятерку, лицо Анны Семеновны почему-то казалось ему самым милым, самым удивительным на свете.

— Никого нет, ушли, — сказал Сашка.

— А когда я смогу их застать?

— Не знаю. У папы... неприятности на работе... — соврал Сашка. — У мамы... тоже... Нет, у нее приятности... К ней приезжает... ну это... брат! Она его десять лет не видела. Нет... двадцать. Она, знаете, забегалась... Не знаю, когда придут.

— Жаль, — уронила в трубку Анна Семеновна.

«Жалей себе на здоровье», — со злостью подумал Сашка.

— А я хотела рассказать Виктору Николаевичу о твоих успехах... Последнее время он все волновался за математику. Ну, хорошо, ты сам расскажешь ему о сегодняшней пятерке.

— О пятерке?! — захлебнулся Сашка и сел на пол.

Телефонная трубка рыбкой выскользнула у него из рук и теперь покачивалась, вращалась на перекрученном шнуре перед самым его носом.

— Саша! Саша! — замирала Анна Семеновна в трубке. Потом послышались короткие гудки.

Значит, все. Значит, так. Значит, если бы не дырка, то там была бы уже не двойка, а пятерка. Получается, что волшебство все-таки есть. Существует! Но если так... Тогда...

В дверях завозился ключ. Щелкнула и скрипнула дверь.

— Я просто забегалась... С ног сбилась... — сказала мама в передней. Голос был веселый.

Мама вошла в комнату. Папа втащил за ней две раздутые сумки.

— Встать с полу! — сказал папа. Любит папка командовать. Никогда не скажет «встань с полу» — всегда «встать».

Сашка встал и тут же, как подкошенный, повалился на диван.

— Сашенька, телеграмму видел? — спросила мама.

Она взяла со стола какую-то бумажку и бросила Саше. Бумажка перепорхнула Сашке прямо в руки. Сашка развернул ее и прочел:

«Приезжаю пятого целую обнимаю Машу Виктора племянника Семен».

— Уж-жасно хочу видеть Семена... — с наслаждением сказала мама. — Брат все-таки, не кто-нибудь. Подумать только, десять лет не виделись, какое там, почти двадцать. Бродяга несчастный, по всему свету его носит. Наконец-то и мы дождались... удостоились... Мне, наверно, неделю надо, чтобы с ним наговориться.

Сашка в полном изумлении уставился на маму. Шутит она, что ли? Какой еще брат? Она же всегда говорила: «Я одна дочка у мамочки».

Не может ведь волшебство на маму действовать, не должно. Это же ерундистика какая-то. Ну, еще там на Анну Семеновну, на школу, на отметки. Это еще туда-сюда. Но на маму? В этом

было что-то неприятное для Сашки. Может, двоюродный какой?

— Интересно, сколько он здесь пробудет? — сказал папа. — А то мы его в воскресенье с собой утащим, а, Саш?

— Ты лучше за детьми смотри, — сказала мама. — Когда у нас на плотине экскурсия, мы прямо дрожим, чтобы дети куда-нибудь не попадали.

— Уж как-нибудь, — засмеялся папа.

«И пусть попадают», — подумал Сашка.

Сашка вообще-то их очень любил. И папу, и маму. Одинаково, ну может быть, на одну только капельку маму побольше. Но сейчас они оба были какие-то ненастоящие, полупрозрачные. Как куски воздуха.

— И как нарочно у меня сегодня выходной, — все смеялась и радовалась мама. Она вынимала из сумки закорючки бананов, бутылки и консервы. — Виктор, и ты на работу не ходи. Отпросись раз в жизни. А Семен, чудище лесное, не пишет, во сколько часов приходит поезд.

— Не знаю, — сказал папа странным голосом. Он держал себя пальцами за нос и рассеянно потягивал его то в одну сторону, то в другую. — Как они там без меня справятся? На погрузке.

— А ты что молчишь, Саша? — вдруг спросила мама и посмотрела на Сашку.

Сашка почувствовал, как в него уперлись два горячих луча. Сашка хотел сказать что-нибудь, хотя бы «да» или «нет», но изо рта только вылетел негромкий сдавленный хрип.

— Саша, что случилось? — слабым голосом сказала мама и села на стул.

Мама никогда не кричала, как папа. С угрожающим видом, тяжело дыша, не расстегива-

ла ремень. Но она каким-то образом ухитрилась видеть Сашку насквозь, будто Сашка был стеклянным и прозрачным, как стакан.

Она догадывалась обо всем, доводя Сашку до иступления и отчаянья. А потом начиналось! Мама могла огорчиться из-за любой ерунды, на которую всякий нормальный человек попросту бы махнул рукой. Она могла даже назло Сашке взять и заплакать. Настоящими слезами. Достать носовой платок, всхлипывать и вытирать слезы. Хотя прекрасно видела, что для Сашки это самая лютая пытка.

Сашка был живой человек. А ведь с живым человеком всякое случается. Те же двойки, наконец. Ну зачем, зачем вообще о двойках говорить маме? Огорчать только.

Двойка должна быть великой тайной, о которой знают только двое: кто поставил и кто получил. Да мало ли что еще бывает...

— Мамоchка, — покаянно начал Сашка. — Ты только не очень...

— Мороженое! — вдруг вскрикнула мама и, выхватив из сумки белые пачки, побежала на кухню к холодильнику. А мороженое капало на пол крупными пухлыми каплями.

«Пронесло», — с облегчением подумал Сашка.

— Ну, — сурово сказал папа и сложил руки за спиной. — Я жду. Опять что-нибудь в школе?

Ну, с отцом было куда легче.

— Чего это мама... Всегда она... — проворчал Сашка, — у меня пятерка по математике. Тебе даже Анна Семеновна звонила. Только тебя не было.

— Пятерка? — расцвел папа. — Вот это по-нашему. Молодец, парень.

— Маша! — крикнул папа на кухню. — Слышишь? Александр по математике пятерку принес.

— Можно погулять? — крикнул Сашка. На кухню он не пошел, чтобы не рисковать. От маминых глаз лучше было держаться подальше.

— Пусть погуляет. Погода хорошая, — сказал папа.

— Ненадолго, — разрешила мама.

ГЛАВА 4

Надо еще подумать, о чем врать

Сашка шел по двору и ничего не видел вокруг себя. Он бы мог сейчас налететь на скамейку, на забор, свалиться в яму. Если бы с неба сейчас грянул гром, он бы его просто не услышал.

Вокруг Сашки плескалось бурное море возможностей.

«Первое дело легковушку. «Волгу» или «Москвичка» на крайний случай... — прикидывал Сашка. — Нет, это, пожалуй, не выйдет. Во-первых, никто не поверит, что она у меня есть. А если поверят, все равно, народ приставучий и привяжутся: «Откуда?» Ну ладно, тогда деньги. Много. Мешок. Скажу — клад нашел. Тут уж никто не подкопается. Само собой шоколад и мороженое — это уж ящиками. У мамы день рождения. Узнаю, чего ей хочется, и навру. Папе тоже что-нибудь навру. Хорошее...»

Тут Сашка споткнулся обо что-то и как будто проснулся. Он стоял обеими ногами в луже.

Конечно, лучше всего рассказать обо всем маме и дальше уже врать всем вместе. Всей семьей. Это было просто замечательно. Но ведь с мамой каши не сварить. Она, конечно, огорчится, будет

умолять не врать, Волшебную Энциклопедию сдадут в районную библиотеку, и все будет кончено.

Сашка снова задумчиво зашлепал по лужам.

Что-то мучило его во всем этом, что-то получалось не так хорошо и складно, как бы ему хотелось. Наверно, потому, что теперь у него была тайна. И теперь придется скрывать от мамы не какую-нибудь ерунду, разбитое там окно или драный локоть, а то, что стало отныне самым главным в его жизни — Волшебство.

И поэтому выходило, что папа и мама теперь вроде как лишние в его жизни и даже мешают.

«Мало ли что вранье. Вранье — оно тоже разное. Буду врать только про хорошее... — утешал себя Сашка. — Буду как добрый волшебник...»

Конечно, можно наврать, что Борька поглотел. Пусть станет дурак дураком. Но Сашка этого не сделает. Он лучше наврет кому-нибудь, что Катя обещала его поцеловать. Он подойдет к ней, когда она будет совсем одна, и скажет так небрежно: «Если не ошибаюсь, ты мне что-то обещала?» Тут уж Кате не отвертеться. Или вообще наврет, что Катя его любит. Пускай любит, жалко, что ли.

Сашка не выдержал и захохотал. И тут же получил в ухо.

Перед ним стоял Гришка.

Гришка был всего-то на каких-нибудь два обыкновенных года старше Сашки. Но это был Гришка, и его знали все на много кварталов кругом.

Про него ходили самые невероятные слухи: что он бреется, что он курит, что его лучший друг сидит в тюрьме за ограбление ларька с газировкой. Вокруг него было всегда мертвое пространство на

длину вытянутой руки — он мог двинуть кулаком каждого.

Отца и матери у Гришки что-то не было видно. Наверное, они удрали от него, как только он родился.

Гришку воспитывала тетка, та самая, которую боялся весь двор, — зубной врач Петрова. И на Гришке лежала отталкивающая и пугающая слава его тетки. Тетка его была как судьба. Она принимала и на дому, и в поликлинике. И поэтому рано или поздно всех приволакивали к ней на прием. Гришка вырос под скрежет бормашины, наверно, потому он и стал таким. Он на все вокруг смотрел со злобой, тоской и отвращением.

Сашка согнулся и прикрыл рукой лицо. Но не успел. Он получил второй удар прямо в зубы.

— Ты чего? Я к тебе лез, да? — с трудом выговорил Сашка эти вечные слова, которые всегда говорит в драке слабый.

Гришка повернулся и лениво зашагал к дому. Даже со спины было видно, что ему все на свете противно.

Сашка попробовал губу языком и пальцами. Губа вздувалась все больше и больше. Как будто под ней работал вулкан. Но Сашка тут же забыл о ней. Он вышел со двора, и ноги сами повели его знакомым путем — во двор к Кате.

Он еще из-за забора увидел их обоих.

Катю и Борьку. Они сидели на рябой, облезлой за зиму скамейке.

«На кой они нужны, эти скамейки? — вдруг со злобой подумал Сашка. — Свезти их со всего города куда-нибудь на свалку и сжечь».

Катя и Борька сидели далеко друг от друга, на разных концах скамейки, но перед ними на сухом

местечке стояли их портфели, рядышком, прислонившись друг к другу.

Это почему-то показалось Сашке отвратительным, и, подходя к ним, он отшвырнул ногой Борькин портфель.

— Ну ты, полегче... — сказал Борька, как всегда наклоняя голову набок. Это она у него, наверно, от ума набок свешивалась.

— Что это у тебя с губой? — спросила Катя.

Черная с блеском челка падала Кате на самые глаза, и она, чуть выпятив нижнюю губу, ловко сдувала ее в сторону.

— За Гришку зацепился, — небрежно ответил Сашка и сплюнул.

Катя усмехнулась и посмотрела на Сашку своими светлыми взрослыми глазами. Она в упор смотрела на его разбитую губу. Рассматривала ее. Будто в Сашке ничего другого интересного не было.

— Ха-ха-ха! — не засмеялся, а закричал Сашка. Ему совсем не было смешно. — А ты видела, что я с ним сделал? Отбивную котлету, компот! Он так! А я ему так! Он так! А я ему в нос!

Сашка прыгал и размахивал кулаками. Насмешка в глазах у Катьки угасла. Теперь она смотрела на него по-другому, внимательно и даже с интересом.

— А правда, мальчики, чего он задирается? Пройти нельзя. Вчера мою Лельку-дуру в лужу пихнул.

— Теперь не попихается, — пообещал Сашка.

— А не врешь? — спросила Катя.

— Очень надо. Не веришь — спроси у его тетки. Она из окна все видела. Как выскочит, даже пальто не надела, и прямо на меня. А я от нее. А она за мной. Думал, на куски разорвет.

— Точно. Она такая, — убежденно сказала Катя.

— «Разбойник! — закричал Сашка тонким голосом, изображая Гришкину тетку. — Мальчику моему, Гришеньке, нос разбил! Все равно изловлю!»

Из-под скамейки на брюхе выполз Борькин пес, черный пудель Рекс, и с отвращением посмотрел на Сашку мудрыми, слезящимися глазами.

— Умный, — сказал Борька и погладил Рекса. — Поумней многих двуногих.

«Намекает, — обозлился Сашка. — Сам умный, так ему еще умную собаку подавай».

— Катя, пошли на реку, — лениво сказал Борька, — говорят, церквушку на том берегу затопило.

Это было для него хоть бы что — позвать Катю на реку.

Сашке, конечно, он и не подумал предложить пойти с ними.

Сашка представил себе, как Борька и Катя идут по набережной. Рядом. А набережная такая длинная. Они будут весь день ходить. А потом на набережной зажгутся фонари. Они зажгутся длинной-длинной светлой цепочкой, которой тоже не будет конца. Нет, он не мог этого допустить.

— Ничего там уже нет, — соврал Сашка. — Я был на реке сегодня. Сошла вода.

— Когда это ты успел? Ты же в школе был? — сощурилась Катя.

— Значит, успел, — загадочно сказал Сашка.

— Я же предлагал вчера, — сказал Борька. — Но у вас, мадам, не было настроения.

— Подумаешь, каждую весну половодье.

Катя нагнулась и стала гладить голову Рекса, пригибая ее к низу.

— Умираю, собаку хочу, — сказала она. — Дома всем жизнь отравила. Когда я начинаю говорить о собаке, все просто уши затыкают. Мне нравится, когда идет девчонка, а на поводке собака. Только не малявка какая-нибудь, а большая псина. Красиво.

— Дама с собачкой, — усмехнулся Борька.

— Но мама пока предлагает кошку, — вздохнула Катя.

— А ты попроси лошадь, — посоветовал Борька. — И тебе купят собаку.

Катя негромко рассмеялась, искоса посмотрела на Борьку.

Нет, у них была своя жизнь. Как будто невидимая стена стояла между ними и Сашкой. Они находились по одну сторону, а Сашка по другую. И он больно ощущал это.

— Подумаешь, кошки, собаки! — захохотал Сашка, стараясь разрушить эту стену словами, хохотом, развязными движениями. — А у меня дома медведи, обезьяны... попугаи! Вот!

— Врешь, — не очень уверенно сказала Катя.

— А вот и нет, — Сашка шел напролом. Назад пути уже не было. — У меня дядя укротитель. Он по всему Союзу ездит. А сейчас к нам приехал.

— Со всеми зверями? И прямо к вам? — в притворном ужасе вытаращил глаза Борька.

— Много ты знаешь. В цирке места нет. Карантин какой-то. У всех зверей температура. Коклюш звериный, что ли. Ну, почему я знаю. Болезнь какая-то объявилась новая. Вот он и к нам.

Одного он добился. Катины глаза были прикованы к нему. Жадно, с интересом. И он не мог упустить эти глаза.

— А еще он мне привез в подарок двустволку настоящую! — захлебывался Сашка. Он словно летел куда-то. — И патроны... И патронташ. Она у нас на стенке висит. Заряженная. Настреляемся теперь. Вволю... сколько хочешь... А еще... А еще у нас дома...

Сашка мучительно напрягся, но все равно ничего не мог так быстро придумать.

— А еще... Вот такой большой... С ушами... С мотором... Придешь, сама увидишь.

Перед глазами Сашки, застилая все небо, пролетел дирижабль, похожий на огромный серебряный огурец. Высоко подпрыгивая, проскакал кенгуру, пронеслась пушка, изрыгая огонь.

— Миномет... Самолет... Кенгурет... — задыхаясь, выкрикивал Сашка.

— Заврался, — вдруг трезво сказал Борька. — Так-таки миномет? Признайся, что атомная пушка.

— И не заврался, — закричал Сашка. — Мой дядя...

И тут он увидел своего папу.

Папа шел по улице очень быстро, деловито, не глядя по сторонам.

— Я мигом... — сказал Сашка и побежал за папой.

Вообще-то сейчас папа был ему совершенно ни к чему. Просто он хотел выгадать время и придумать, что бы такое соврать поинтересней.

Сашка догнал папу и придержал его за рукав.

— Ты куда? — спросил Сашка. — А дядя Сема?

— Неприятности... — рассеянно сказал папа. Он не замедлил шага.

Сашке пришлось почти бежать с ним рядом, чтобы не выпустить его рукав. При слове «неприятности» сердце Сашки странно и нехорошо екнуло.

Что-то знакомое было в этом слове, но что, Сашка сейчас не мог вспомнить.

— «Степан Разин» куда-то подевался. Вышел с базы и пропал. Черт те знает, где его носит. Час назад должен был быть в порту на погрузке, — сказал папа как-то не Сашке, а самому себе.

Из-за угла, переваливаясь, выехало такси, обдавая тротуар плоскими веерами брызг.

Такси окатило старушку в длинном пальто и маленькую девочку в розовом капоре. Девочка обрадовалась и засмеялась. А старушка что-то сердито закричала шоферу, грозя маленьким кулачком, желтым, как лимон.

— Такси! Такси! — как сумасшедший закричал папа и бросился через улицу прямо по лужам, размахивая портфелем.

Старушка перестала сердиться и тоже засмеялась.

Сашке все это ужасно не понравилось.

И что его папа бежит прямо по лужам и обрызгал сзади серые брюки грязными кляксами, и что над ним все смеются.

Резко хлопнула дверца такси. Папа даже не оглянувшись. Такси укатило.

Неприятности... У папы неприятности...

Ох! Да ведь это он сам наврал их папе. Когда еще с Анной Семеновной говорил. Но ведь он же тогда не знал, что его вранье волшебное. Он просто так соврал. А может, ничего такого? Ну,

опоздал немного «Степан Разин». Подумаешь. Река разлилась. Может, от этого путь удлинился?

Сашка медленно побрел назад.

На скамейке никого не было. Это была самая пустая скамейка на свете. Просто необитаемая скамейка. Как будто на ней никто никогда не сидел, ни один человек.

Кати с Борькой и след простыл. Словно сквозь землю провалились вместе. Не было и портфелей. В грязи виднелись две пары следов, рядом цепочкой мелкие, собачьи. Следы доходили до сухой асфальтовой дорожки и там пропадали.

Сашка бегом пустился по дорожке, обогнул дом. Никого. Пустыня.

Добежал до Борькиного дома. И там никого.

Вернулся назад. Во дворе гуляла никому не нужная Лелька. Увидев Сашку, для безопасности зашла на самую середину лужи, где поглубже, и застыла там на одной ноге.

«К Борьке уроки пошли учить. Нарочно. Назло, — с ненавистью подумал Сашка. — Ладно. Погоди. Навру тебе еще что-нибудь. Попрыгаешь еще у меня...»

Ему хотелось опять почувствовать себя счастливым и могущественным, как еще совсем недавно, но он ощущал только пустоту и усталость.

«Поем, отдохну и тогда еще навру...» — подумал Сашка и пошел домой.

«Зря я это про папину работу придумал...» — подумал Сашка, поднимаясь в лифте. Лифт спокойно и равнодушно вез его наверх.

«Да ничего не будет, — успокаивал себя Сашка. — Ну, куда денется целый катер? Что его, украдут, в карман сунут? И утонуть не утонет.

Надо лучше подумать, о чем врать. Это только дураки думают, что врать просто...»

Лифт дрогнул и остановился. Сашка вышел из лифта и увидел, что дверь в его квартиру открыта.

ГЛАВА 5

Дядя Сема

Правда, дверь в квартиру была открытой.

«Ага, папа какой... — подумал Сашка. — А если бы я так? Представляю, вот был бы концерт!»

Сашка шагнул в переднюю и почему-то не узнал ее. Он даже подумал, что по ошибке зашел в чужую квартиру. Сашка хотел уже незаметно уйти, пока его не приняли за жулика, как вдруг увидел в углу свои старые лыжи, а на вешалке пестрый мамин передник.

А... вот в чем дело. В квартире пахло как-то остро и незнакомо. Не поймешь чем. Этот запах его и сбил с толку. Никогда у них в квартире так не пахло.

Сашка несколько раз потянул носом. Прислушался. В глубине квартиры что-то негромко шелестело, шуршало, двигалось, задевая за стены.

Дрожь прошла по спине у Сашки. Он невольно сделал несколько шагов назад к двери.

В это время в переднюю из темного коридора вышел удивительный человек.

Он шел необычайно легко, на носках, покачивая руками, и как будто плыл по воздуху. Увидев Сашку, он прижал одну руку к сердцу, другую откинул в сторону и вдруг низко и церемонно поклонился Сашке. Вместо его лица

Сашка увидел желтоватую круглую лысину. Лысина показалась Сашке чуть-чуть прозрачной.

Все это было совершенно дико и фантастично.

Удивительный человек выпрямился. Сашка увидел его черные глаза и большой квадратный нос, который снизу, как две подставки, поддерживали черные усики.

Станный человек улыбнулся.

Сашка удивился еще больше, потому что этот странный человек улыбался маминой улыбкой. И хотя он был совсем, ну просто нисколько не похож на маму, все равно он улыбался совсем как мама.

— Племянничек, ага... — сказал странный человек, наклоня голову и внимательно разглядывая Сашку. — Вот ты какой. Мамино сокровище... Ну, ну... Что ж, давай знакомиться. Я твой дядя. Можешь звать меня просто дядя Сема.

Тут дядя Сема наклонился и поцеловал Сашку в щеку. Потом ласково потянул его за ухо.

— А у меня история, понимаешь, — дядя Сема развел руками. — Приехал сегодня — здравствуйте! В цирке карантин. Болезнь какая-то объявилась новая. Коклюш звериный, что ли. У слонов температура. Львы в бреду. Крокодил и директор цирка в обмороке. Нет, ты слышал что-нибудь подобное?! Такое и во сне не привидится. Не мог же я сидеть со своей компанией на улице. Вот и махнул прямо сюда, к сестре. Смотрю, никто не открывает. Хорошо соседка, такая милая женщина, ключи от квартиры дала.

И тут Сашка увидел, что на плече у дяди Семы, невесть откуда взявшись, появилась обезьяна. Не очень большая, но совсем настоящая, живая обезьяна. У обезьяны были руки, похожие

на ноги, ноги, похожие на руки, и милая старушечья мордашка.

Обезьяна потерлась носом о щеку дяди Семы, а тот, будто так и надо, рассеянно, не глядя, пощекотал ей живот и оглянулся.

— Телефон у вас где? — спросил он.

Сашка никак не мог прийти в себя от изумления. Он стал просто как деревянный. Он с трудом кивнул своей деревянной головой и указал негнущейся рукой в глубь коридора.

Дядя Сема улыбнулся маминой улыбкой и сунул обезьяну прямо в руки Сашке. А сам повернулся и пошел звонить по телефону.

Обезьяна посмотрела на Сашку глубокими, невеселыми глазами и начала чесаться. Одной лапой она чесала живот, а другой спину. При этом она еще шевелилась, ерзала, ни минуты не сидела спокойно. Руки у Сашки сразу затекли от напряжения, он даже вспотел.

— Алло! — гудел в трубку дядя Сема. — Товарищ администратор? Это я, Симеон Симеонович Зверо! Он самый. Здравствуйте. Вот положение! Ума не приложу! Какой-нибудь выход! Да, да! Нет, нет! Три медведя и четыре обезьяны! Что? Медведя не четыре, а три. А обезьяны не три, а четыре! Хорошо. Заранее благодарен. Жду у телефона.

Дядя Сема громко сказал: «Уф!»

«А может, это «уф» и не он сказал...» — подумал Сашка, и ему стало немного жутко. Ему показалось, что кто-то копошится в конце коридора.

Тем временем обезьяна перебралась Сашке на плечо. Сашка с трудом разогнул затекшие руки. Но тут обезьяна полезла выше, прямо к нему на голову. Устроилась там поудобней и, видимо,

задумалась. Сашка стоял и покорно ждал, пока она кончит думать.

Вдруг обезьяна, сильно оттолкнувшись от его головы, скакнула на шкаф. Сашка весь покачнулся, как деревянная кегля.

— Блямс!.. — на кухне с полки полетела какая-то кастрюля.

— Плим-блим-блим!.. — задребезжала крышка, затихая на кафельном полу.

— Режим, голубчик мой, режим! — кричал дядя Сема в трубку. — Для зверей главное — режим. Вы же знаете, какие сейчас звери пошли. Все как один нервные, избалованные. С ложечки кормлю, по часам...

Сашка, замирая, осторожно заглянул на кухню, и сейчас же что-то с хрустом шлепнулось ему на плечо.

Это было сырое яйцо. Оно не спеша стало съезжать по рукаву его школьной формы. Сашка затряс рукой, и яйцо липко шлепнулось на пол. Посреди кухни он увидел еще несколько таких же некрасивых яичниц.

Сашка услышал шорох, поднял голову: между кастрюлями на полке сидела еще одна обезьяна. Она запустила свою длинную лапу в стеклянную банку и ловила там убегавшее от нее яйцо.

Схватив яйцо, она быстро нацелилась в Сашку. Сашка отпрыгнул назад.

В коридоре он чуть не налетел на дядю Сему. Лицо у дяди Семы было красное, нос блестел.

— Племянничек, — позвал дядя Сема, — фу, в суматохе забыл. Я ведь тебе подарочек привез. Убьет меня твоя мать. И будет права, кстати. Сам не знаю, зачем купил. Помрачение ума. Не иначе.

И тут Сашка увидел в руках дяди Семы прекрасную охотничью двустволку. Она чуть

блестела двумя воронеными стволами. Сверкала серебряной насечкой.

— А тут еще патронташ и патроны, — с тоской простонал дядя Сема. — Зачем? Зачем купил?.. Скажи на милость?

— Это мне? — вне себя от счастья пролепетал Сашка. — Ой, спасибо, дядя Сема!

Дядя Сема резко прижал ружье к своей груди.

— Осторожно! Оно заряжено! О, боже мой, зачем я его зарядил? Сам не понимаю... Старый идиот... Пока мы его на стену повесим, я тебя прошу, не трогай его, умоляю тебя, слышишь?

Дядя Сема, крепко прижимая ружье к груди, понесся по коридору в папа-мамину комнату.

«Здорово я наврал про ружье, — ликуя, подумал Сашка. — Папку разве уломаешь! А теперь все. Намертво. Подарено, и все тут. Мне какое дело...»

Но тут кто-то сзади налетел на Сашку. Какой-то большой и лохматый шар. Шар развернулся и превратился в медведя.

Сашка прижался к стене, но в это время его по лицу задел чей-то хвост. Сашка невольно ухватился за этот хвост, но, к его ужасу, хвост остался у него в руке. Сашка с отвращением отшвырнул его, но хвост повис на нем, зацепившись за пуговицу его куртки.

Но тут Сашка увидел, что это вовсе не хвост, а рукав маминой кофты. Синий, в белый горошек. А вся мамина кофта, размахивая другим рукавом, скачет мимо него по коридору. Сашка бросился вдогонку за маминой кофтой.

Мамина кофта влетела в комнату и прямо с пола скакнула на шкаф.

Испуганно заговорила люстра стеклянными голосами. На люстре верхом сидела еще одна

обезьяна и раскачивала ее, отталкиваясь от потолка длинной босой ногой.

В коридоре зазвенел телефон. Сашка схватил трубку.

«Может, мама?» — с надеждой подумал он. Но это был папа.

— Приехал? А? — нетерпеливо спросил папа.

— Приехал... — почему-то шепотом ответил Сашка и оглянулся.

— Мм... — затосковал папа. — Ну, дай, дай мне его к телефону.

— А ты скоро домой?

— Не знаю, ничего не знаю. Сажу здесь, вот досада, и жду «Степана». Никто ничего не понимает. Ну давай, давай его.

Сашка передал трубку дяде Семе. Дядя Сема заорал в трубку: «Витька! Речной пират! Сколько лет, сколько зим...»

А Сашка пошел в свою комнату, потому что он услышал из-за двери какое-то странное кряхтение и ворчанье. И, предчувствуя что-то недоброе, Сашка открыл дверь.

ГЛАВА 6

Конец «Новой Гвинеи» и гибель зеркала

Сашка замер. Посреди комнаты сидел большой, очень коричневый медведь.

Он сидел точь-в-точь, как сидят игрушечные мишки на полке в магазине — растопыбив все четыре лапы.

Медведь наклонил тяжелую голову набок и что-то жевал. Маленькие глазки хитро поглядели на Сашку.

Медведь глубоко вздохнул, но с удовольствием. Видно, то, что он жевал, казалось ему очень вкусным.

Сашка пригляделся и ахнул. Большое круглое пузо медведя было сплошь усеяно цветами. Из густой шерсти наивно торчали ромашки и колокольчики.

— Мой гербарий!.. — прошипел Сашка. — Я для тебя его собирал, да?

Сашка сделал шаг вперед и сразу же шаг назад. Кто его знает? Может, он еще не очень-то дрессированный, этот медведь, может, еще полудикий.

И тут на полу между расставленными лапами медведя Сашка увидел свой альбом с марками. Вернее, это был уже бывший альбом. Он был весь изуродован и изжеван, смят, изодран в клочья. А тут еще эта зверюга лохматая, нисколько не стесняясь, опустила когтистую лапу, выдрала еще одну страницу и преспокойненько запихала ее в свою пасть. Зажмурилась и начала лениво жевать.

— Дядя Сема! Дядя Сема! — отчаянно завопил Сашка.

Дядя Сема, потирая красное ухо, заглянул в дверь.

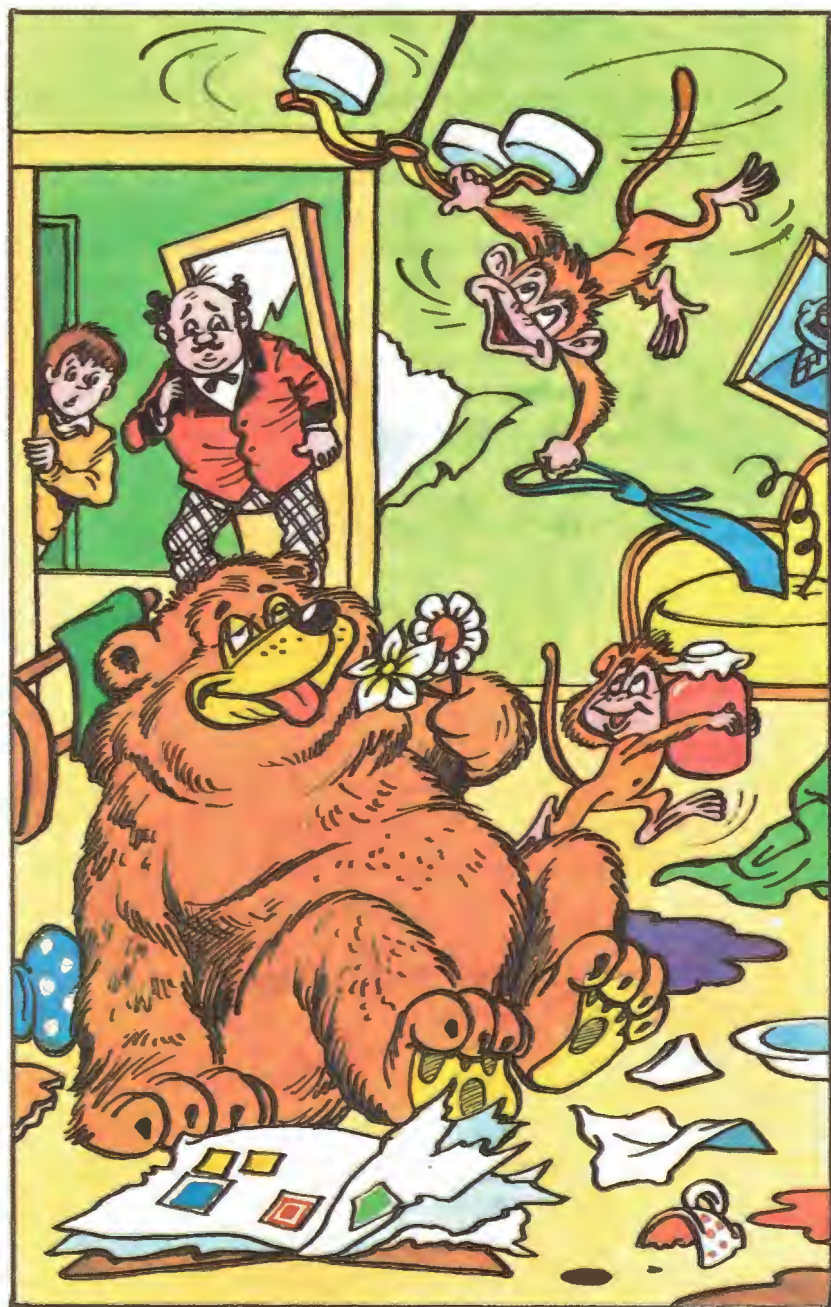
Сашка руками, головой, всем телом показал на медведя.

Лицо Симеона Симеоновича страдальчески сморщилось.

— А.. — виновато протянул он. — Не доглядел я... Закрутился со всеми делами...

Симеон Симеонович, тихо приговаривая: «Ах, ах, надо же такому случиться», — поднял с полу альбом с марками. Сгреб цветы с медвежьего живота. Получился жалкий, печальный букетик.

В коридоре снова зазвонил телефон.

— Это меня! — выкрикнул дядя Сема и выскочил из комнаты.

Сашка с ненавистью посмотрел на медведя: «Ему-то что. А «Новая Гвинея»? Она, наверно, у него в животе уже переваривается...»

— Это вас, молодой человек, — церемонно сказал дядя Сема, появляясь в дверях, и поклонился Сашке, — если не ошибаюсь, какая-то барышня.

Сашка взял в руки теплую телефонную трубку. Она просто здорово нагрелась от уха Симеона Симеоновича. Сердце его сильно забилося.

— Саша, — сказала Катя низким чужим голосом. Но Сашка все равно ее сразу узнал. Катя не выдержала и прыснула.

— Отстань, — шепотом попросила она кого-то. Наверно, рядом стоял Борька. Конечно, это был Борька, кто же еще? Они звонили, наверно, из автомата. И стояли рядышком в тесной телефонной будке.

— А, это ты, — ответил Сашка, стараясь говорить холодно и обыкновенно.

— Это кто подходил? — спросила Катя.

— Так, дядя, — с торжеством сказал Сашка.

— Нет, правда? — уже настоящим, своим голосом сказала Катя. — А... звери?

— И звери тут. Где же им быть еще? — Сашка с трудом сдерживал ликование. — Заходи, Катя, сама увидишь.

— Нет, правда?

Катя замолчала. Сашка услышал ее дыхание.

— Мы сейчас на футбол собираемся, — с сожалением сказала Катя и добавила просительно: — А после футбола можно?

— Мне какое дело. Когда хочешь, тогда и заходи.

— А ты на футбол не идешь?

— Билета нет, — растерялся Сашка.

— А у меня лишний! Хочешь? — вдруг предложила Катя. — Не твое дело, отвяжись, — свирепым шепотом мимо трубки сказала она кому-то.

Вот это да! Катя сама приглашала его на футбол. И даже билет предлагала. И это все при Борьке. Он стоял рядом, конечно, и все слышал.

— Отчего же, — сдерживая дрожь, тихо сказал Сашка.

— Через полчаса на моем дворе. Идет?

— Идет.

Сашка услышал в трубке короткие гудки. Сашка стоял и слушал их. Они, как цепочка, еще соединяли его с Катей, и ему было жаль класть трубку...

— Ба-ба-бах! Бум! — что-то дико грохнуло и загремело в папа-маминой комнате. Там случилось что-то ужасное. Наверное, там сразу рухнули стены и потолок.

В коридор из кухни, что-то жуя, выбежал Симеон Симеонович. Лицо у него было совсем белое. Черные усы на этом белом лице как-то выскочили вперед. Он, топая, пробежал мимо Сашки. Сашка со всех ног бросился за ним. В дверях они столкнулись и застряли.

Потом их сверху накрыла рычащая, дрожащая и тяжелая шуба.

И так они все втроем — Сашка, Симеон Симеонович и медведь ввалились в комнату.

В комнате стоял не то туман, не то дым.

С потолка сыпалась известка. Острыми кусками, вздрагивая и страшно звеня, падало зеркало.

Посреди комнаты, держа в трясущихся лапах ружье, стояла обезьяна. В углу с жалобным визгом обнялись медвежата.

Над головой у Сашки, громко хлопая крыльями, закружились желтые и зеленые попугаи. Казалось, они вылетают прямо из Симеона Симеоновича.

Попугаи, как слепые, сильно, с размаху, бились о стекла. В воздухе завертелись желтые и зеленые перья.

Обезьяна выронила ружье, обняла ногу Симеона Симеоновича и, прижавшись к ней всем телом, заскулила, задрав голову кверху.

Дым рассеивался. Белая пыль оседала на пол. С потолка еще срывались куски штукатурки. Около люстры чернела дыра.

— Нечего сказать, навестил сестру... Двадцать лет не был... — простонал Симеон Симеонович. — Да лучше бы еще пятьдесят не приезжал... Старый балбес.

Симеон Симеонович яростно постучал себя кулаком по лбу.

«Дурак я, про этих зверей наплел, — обозлился на себя Сашка. Он не мог смотреть на виноватое и огорченное лицо Симеона Симеоновича. — И без этого ружья тоже обошелся бы как-нибудь. Не помер».

— Дядя Сема, — не зная, чем его утешить, сказал Сашка. — Ничего... Папка все равно хотел летом ремонт делать. А зеркало...

Сашка запнулся. Он знал, что мама огорчится. Мама считала, что зеркала бьются не к добру, и переживала, даже когда треснуло маленькое

круглое зеркальце. А тут такое зеркалище во весь шкаф.

Дядя Сема все сопел и вздыхал и даже замахнулся на ни в чем не повинного медвежонка. Медвежонок обиделся и закатился под стол. Ох, до чего же все нескладно вышло! Хорошо еще, что Борька про миномет не поверил.

— Два часа, — вздохнул дядя Сема. — Кормить их пора. Кашу сварю, что ли.

Дядя Сема, какой-то постаревший, устало волоча ноги, пошел на кухню.

А Сашка, так ничего ему не сказав, на цыпочках прошел в переднюю и вышел на лестницу. Он плотно прикрыл за собой дверь. Не хватало еще, чтобы эти твари по всему дому разбежались... И бегом бросился вниз.

ГЛАВА 7

Билет на футбол

Катя ждала его, нетерпеливо посматривая на ворота.

Она стояла посреди двора на сухом местечке, и солнце освещало ее всю. На ней были голубые чулки, а на голове вязаная шапочка, тоже голубая. Рядом, конечно, Борька. Он со скучающим видом смотрел на голое дерево, разглядывал пустой скворечник.

В сторонке на сырой, раскисшей дорожке стояла никому не нужная Лелька.

На ней была старая лыжная куртка, еще Катина. Только Катя из нее уже давно выросла, а Лелька еще не доросла. Куртка была слишком длинной. Из-под нее торчали Лелькины ноги не

толще веревки, с коленками, похожими на узелки, завязанные на этой веревке.

— Пошли. Только-только успеем, — сказала Катя, и все двинулись к воротам.

Лелька, шлепая ботинками, облепленными грязью, и держась на расстоянии, пошла за ними.

Но у ворот Катя обернулась и грозно сказала ей: «Кому говорят — домой! Не смей за нами!»

— Мне кажется, ты ее пугаешь со своей будущей собачкой, — усмехнулся Борька.

Катя засмеялась:

— Знаю я их, с ними чем строже, тем лучше. А то на шею сядут... Ну, как дядя? — спросила она Сашку и посмотрела на него удивительно светлым глазом из-под черной челки.

— Нормально, — сказал Сашка, не зная, что ответить.

Оглянувшись, он увидел, что Лелька все-таки идет за ними, робко, но упрямо. Они сели в троллейбус. Троллейбус был совсем пустой.

Лелька тоже вскарабкалась с передней площадки.

Через весь пустой троллейбус Лелька с укором посмотрела на Сашку. И по ее оскорбленному и печальному лицу Сашка вдруг точно и ясно понял, что Катя отдала ему Лелькин билет на футбол. Этот билет вовсе не был лишним. Это был Лелькин билет. Сашкино сердце сжалось, словно ему на сердце надели защипку, какими мама на балконе прицепляла белье к веревке, чтобы ветер его не унес.

«Растяпа, — обругал себя Сашка. — Наврал бы Катьке, что у меня уже есть билет. Вот где надо — не вру. А где не надо, само вретя».

Чем ближе к стадиону, тем теснее набивался троллейбус людьми. Наконец, толстая тетя скрыла Лельку.

У стадиона все пассажиры сразу вышли. Троллейбус пустой, прозрачный, дребезжа, сделал круг и покатил назад.

Все побежали к стадиону, на ходу доставая из карманов и сумочек билеты. Катя побежала, замелькав голубыми чулками.

Сашка оглянулся. Лелька стояла у серой стены, маленькая, никому не нужная.

«Я ей марки подарю, гербарий отдам... — страдая, подумал Сашка и тут же вспомнил, что этого уже ничего нет. — Все равно, я ей что-нибудь хорошее...»

Раздумывать было некогда. Сзади наседали и подталкивали. Контролерша с досадой сама выхватила билет из его нерешительных рук. Все получилось само собой. Сашка стал пробираться вдоль длинных скамеек вслед за Борькой и Катей.

А над полем уже гремел марш и выбегали футболисты: «Водники» в полосатых майках, а «Электросталь» — в красных.

— Ты за кого болеешь? — спросил Сашка у Кати, когда они уже уселись. Борька-то, конечно, болел за «Электросталь». Его отец работал на этом заводе инженером.

— Я болею за победителей, — уверенно сказала Катя. — Противно, когда проигрывают. Но вообще я бокс люблю лучше.

— Смерть побежденному! — пробормотал Борька.

Сашка сидел рядом с Катей. Он и не надеялся, что когда-нибудь так может случиться в жизни.

Он старался не думать ни о чем плохом. Ни о Лельке, ни о том, как мама войдет в квартиру и всплеснет руками.

«Потом, потом... — думал Сашка. — Это все после...»

Скосив глаза, он видел круглую Катину голову, облитую голубой шапочкой, и черную челку. Он хотел сейчас от жизни только одного, чтобы «Водники» выиграли. И «Водники», наверно, это знали и потому играли, как боги, и уже за десять первых минут забили два гола в ворота «Электростали».

Катка ахала, вскрикивала. Щеки ее горели, и Сашке казалось, что он чувствует на своем лице их жар. Она даже стучала кулаком по круглой спине какого-то дяди, сидящего впереди. С места вскочил высокий парень. Синяя куртка съехала с его плеч. Сашка увидел полосатую тельняшку.

— Давай, давай, братцы! — заорал он.

Широкие плечи в полоску, затылок и ухо показались Сашке ужасно знакомыми.

«Неужели Сережа-машинист с папиного «Степана Разина»? Папа ждет в порту. А он, что же, футбол смотрит? Нет, быть того не может».

Парня потянули за рукав, и он сел.

«Ошибся», — успокоился Сашка.

В перерыве Сашка кинулся купить себе и Кате мороженое. Тут он опять вспомнил про Лельку и подумал, что неплохо бы и ей снести туда хотя бы эскимо. Он словно увидел ее у стены. Куртку на тонких ножках.

«Да нет, она домой ушла, — подумал Сашка. — Не будет она столько дожидаться».

Дальше стало еще лучше. Катя даже локтем его пихнула два раза.

Матч шел к концу, и счет стал уже 4: 0. Борька скис, сидел, как убитый, и уже ничего не говорил умного.

И тут случилось что-то странное.

Сашка увидел, что какой-то человек упрямо пробирается между рядами.

Он нагнулся к кому-то, и тут снова вскочил все тот же длинный в тельняшке. Тогда уж Сашка точно разглядел, что это Сережа-машинист со «Степана».

Сережа, подхватывая падающую с плеч куртку, стал стремительно пробираться к выходу. Он перелезал прямо через лавки, раздвигая людей. А какого-то короткого человечка Сережа пригнул книзу и перешагнул через него.

Почему-то началась суматоха. Какие-то люди вставали и уходили. Они пробирались между рядами, застилая свет, мешая глядеть. Тут Сашка увидел среди них еще и Семеныча с папкиного катера.

«И Семеныч тут! — удивился Сашка. — Интересно, а катер куда же они подевали?»

— Наша взяла, — сказала Катя Борьке. Она так и сказала: «Наша».

— О, безусловно, — ответил Борька. — Кто спорит? Но учтите, герцогиня, футбол — игра для тех, кому ноги важнее головы.

— Ну и глупо, — обиделась Катя.

В толпе их стиснули, сжали. Сашка сразу почувствовал себя маленьким. Сидел, как человек, смотрел с Катей футбол. А тут он кому-то еле доставал до плеча. Носом его ткнули в чей-то рукав. Вон и Катин помпон торчит у локтя здоровенного дяди.

Вместе с толпой их вынесло на площадь. Сашка незаметно скосил глаза вправо, где они оставили Лельку.

Лельки не было. У стены стояла толстая девчонка в красном пальто и лизала мороженое острым, треугольным языком.

«Не дождалась...» — сжалось что-то в Сашке.

На остановке один за другим стояли сразу три пустых троллейбуса.

Обычно у троллейбусов тут же начиналась толкотня, вырастала очередь.

Водители надрывались, прося «остаться на следующий».

И на этот раз кто-то бегом бросился к остановке. Но таких было только несколько. И они тоже постепенно замедлили бег и растерянно остановились. И все они тоже почему-то смотрели в сторону реки.

— Там! — возбужденно сказал высокий дядя, протянув руку с портфелем.

— Интересно, — сказала Катька. — Может, задавило кого? Только если кровь, я смотреть не могу, — добавила она и зажмурилась.

— Хлеба и зрелищ, — пробормотал Борька.

ГЛАВА 8

На обрыве

Народ валил вниз с холма. Те, кто постарше, чинно шли по узким тропинкам. Но большинство спускались прямым, как-нибудь, прямо по бесцветной прошлогодней траве. Мальчишки перепрыгивали ямы, где еще лежал грязный снег с черными корочками.

Сверху была видна голубая крыша и столики кафе.

Кафе стояло на обрыве, над самой рекой. Оно так и называлось красиво: «Волна». Круглые желтые столики сверху были похожи на блюдечки.

Но никто ничего не пил и не ел. Все толпились на краю обрыва. И те, кто сбегал с холма, старались тоже пробраться к самому краю, и толпа на обрыве все росла.

— Ну скорей, скорей, — торопила Катя. — Опоздаем к самому интересному. Мальчики, давайте за руки и бегом. Только держите меня, а то я упаду.

Сашка сжал Катину мягкую руку. И они побежали вниз с холма.

Катя визжала. Холодный ветер пел в ушах. Сашка споткнулся, и они чуть не полетели кувырком все трое. Солнце нестерпимо блестело посреди реки. Кружилась голова от неба и облаков, которые бежали кверху...

Это было замечательно, только быстро кончилось. Сашка бы согласился бежать с этой горы целый год. Но Катя уже зашевелила пальцами, высвобождая свою руку из Сашкиной руки.

Все толкались, стараясь пробраться поближе к обрыву. Счастливчики, стоявшие на самом краю, переговаривались, вскрикивали, ахали.

— Смотрите-ка, смотрите-ка, лежит на боку!

— Ну, голубчики! Ну, распотешили!

— Доигрались!

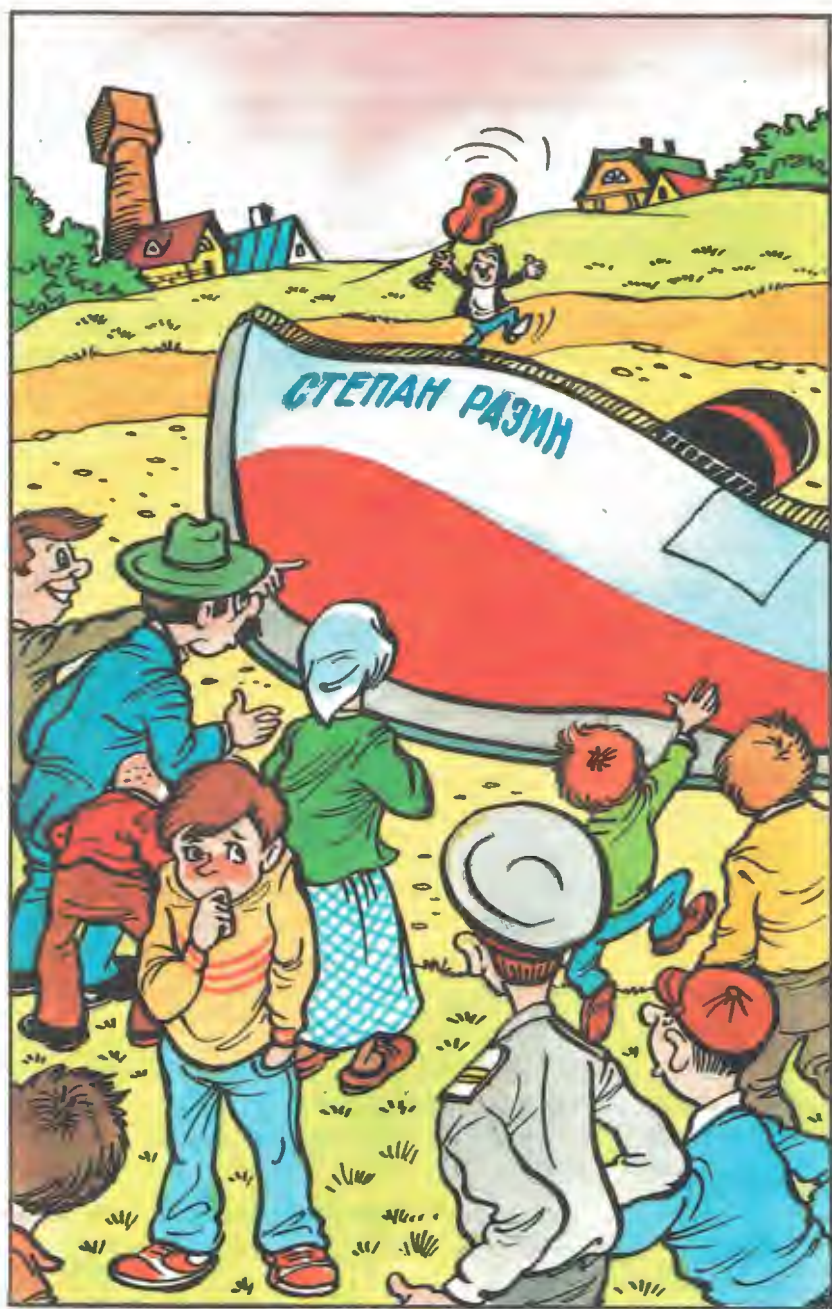
— За такое по головке не погладят!

— Ай! Ай! Ноги едут! Падаю!

— С ума сошли, граждане, не напирайте!

— Здесь же глина, глина! Мы все попадаем!

— Половодье — вещь очень непростая, — рассуждал хитрый седенький старичок, стоявший

перед Сашкой. — За час вода сойти может. А что молодежь сейчас? Думают, все сами знают.

— У вас всегда молодежь виновата!

— А как же, а как же, — оживился, даже обрадовался хитренький старичок. — Посудите сами. Видите, канатом к дереву привязали, а сами куда? Известно куда! В кафе. На футбол. А ответственность где? Вон она!

Старичок с трудом высвободил одну руку и грозно протянул ее в сторону обрыва.

— Там что-то интересное, — выходила из себя Катя и пихалась остренькими кулачками.

— Ох, господи, страсть какая... — печально сказала старушка в темном платке и подалась назад от края.

Сашка и Катя тут же протиснулись на ее место. Сашка вытянул шею, глянул вниз и обмер.

Никогда еще ему не было так страшно и нехорошо.

Внизу, прямо под обрывом на узком пляжике лежал на боку «Степан Разин».

Он выглядел жалким и нелепым, лежа на боку на песке. Голубые буквы так и лезли в глаза, и каждый, каждый мог прочесть: «Степан Разин». Он казался каким-то беспомощным, наверно, оттого, что был виден весь до самого киля. Торчал гребной винт с прилипшим пучком водорослей. Дверь в каюту была распахнута.

Все вещи лежали кучей, привалившись к одной стене. В темноте белели подушки, на них опрокинутый графин. Книги, сковородка, все вместе.

Кто-то засмеялся совсем рядом, обдавая теплом Сашкино ухо. Сашка повернул голову, тупо глянул.

Это смеялась Катя. Сашка увидел ее сощуренные, светлые глаза.

— Ха-ха-ха! — негромко смеялась Катька. Сашка чувствовал, как трясется ее плечо. И каждый звук ее голоса с мучительной болью входил прямо в Сашкино сердце.

— Кажется, это транспорт твоего отца, — сказал Борька.

— Надо же! — ахнула Катя и полезла еще ближе к краю, так что комья сырой глины зашлепали вниз.

Какой-то парень с гитарой спрыгнул с обрыва и стал танцевать вокруг катера, увязая в мокром песке. Ноги у него были все время согнуты в коленях. Он так и не разгибал их и от этого здорово походил на обезьяну.

Вслед за ним стали спрыгивать вниз и другие, тоже здоровые, ногастые.

Обезьяний парень перекинул гитару на спину и неуклюже полез на катер. Он лез грубо, будто это была куча металлолома. Цеплялся руками за что попало. Его ноги чертили серые полосы на краске палубы, такой белой, такой свежей.

Он вскарабкался на борт, потопал ногами, прочно ли.

Приложил руки к груди и, кривляясь, закричал глупым голосом:

— Кто-то потерял пароходик! Потерявшего прошу обращаться ко мне. В противном случае находочку считаю своей!

И затопал ногами, заплясал какой-то дурацкий танец. Как он так может? Ведь беда. А они еще смеются.

— Вон твой отец, — безжалостно сказал Борька.

Сашка стал искать папу глазами. Сашка выглядывал его в толпе, а сердце у Сашки замирало. Его мучил страх, а вдруг папа плачет, или рвет на себе волосы, или стоит, схватившись за голову.

Папа стоял в сторонке. Лицо его было спокойным. И только фуражка лежала около него на земле, и он ее не поднимал. Позади него, сбившись в кучу, стояла вся команда катера «Степан Разин».

Сережа-машинист низко опустил кудрявую голову. Все было виноватым в его сильной фигуре. И вислые плечи, и опущенные руки, и даже полоски на тельняшке.

Сашка подбежал к папе.

— И ты тут, — рассеянно сказал папа и погладил Сашку по голове, чего не случалось уже много лет. Папа считал, что Сашка уже мужчина и отношения у них должны быть строгие, мужские.

— Виктор Николаевич, — дрожащим голосом сказал Сережа-машинист, подходя сзади. Лицо у него было багровым. Даже глаза были красными. — Мы что, знали, что вода спадет? Ну, думали, пришвартуемся тут, футбол посмотрим. Ну, на часок запоздаем. Мы что же, знали, что такое получится? Что ж, под суд, значит, за это?

Визгнув тормозами, около кафе остановилась «Волга». Из «Волги» вышли сразу четверо. Двое военных, строгая женщина в больших очках с толстым портфелем в руке и еще совсем седенький старичок. У него было доброе лицо и довольно длинная белая борода. Ветер тут же занялся его бородой, и старичок сжал ее в кулаке, будто боялся, что она оторвется и улетит.

Все засуетились, давая им дорогу к обрыву.

Сашка с болью смотрел на их спины, заранее переживая: сейчас они увидят... Сейчас они увидят...

И правда, они подошли к краю, да так и замерли. Только седенький старичок не подошел близко, а, прижимая бороду к пальто, вытянул шею и издали посмотрел на «Степана».

Сашка как-то сразу понадеялся, что этот старичок что-то придумает и поможет.

— Н-да... неприятности... — сказал старичок тонким голосом.

Сашка стиснул зубы. Неприятности... Проклятье!

Папа шагнул было к ним, хотел что-то сказать, но высокий военный остановил его холодным жестом.

— Ваше мнение? — обратился он к остальным.

— Крайне сложное положение, — сказал военный пониже.

— Дикость какая-то, — сказала строгая женщина. Она сняла очки, посмотрела вниз на «Степана Разина» и снова их надела.

— Распущенность. Разгильдяйство.

— Может, применить катки? Смазать салом доски и спускать на воду.

— А как вы его поставите на катки, интересно?

— А домкраты?

— Вы посмотрите, каков грунт! Мокрый, можно сказать, жидкий песок.

— В том-то и дело.

Старичок наклонил голову набок, сунул клоч бороды в рот и пожевал его. При этом лицо его сморщилось, как будто борода была кислой.

— Я скажу вот что. Проще всего оставить катер здесь до следующего года. Весной половодье само снимет его с мели.

— До следующего года?!

— Нечего сказать! Хорошенькое дело!

Папа что-то невнятно пробормотал сквозь стиснутые зубы.

— Ну тогда вот что. Уж вы поверьте моему опыту. Это вам влетит в копеечку — спускать его на воду.

— Может, прорыть канаву?

— Н-да... Вот если бы здесь была железная дорога...

— Да, да. Очень мило. Очаровательно. Я восхищен. Проведите сюда железную дорогу, сделайте тут станцию. Только этого не хватало, — снова сказал старичок. — Я вам говорю: ждать до будущего сезона.

— Папочка... — сказал Сашка, замирая от тоски.

— Иди, иди, — сказал папа.

Сашка не мог этого вынести. Папино лицо просто убивало Сашку.

Он попятился в толпу, продолжая все глядеть на папу, и налетел спиной на Лельку. Лелька всхлипнула. Глаза у нее были заплаканные, маленький острый нос посинел от резкого ветра, дующего с реки.

«А если... — как молния, вдруг мелькнуло в голове у Сашки, — а если еще раз наврать? Ну, еще один разок. Ну, самый распоследний... И правда, чего он теряется? До будущего года, говорите? Ладно. Сейчас увидим будущий год...»

Сашка быстро оглянулся по сторонам, схватил Лелькину руку и сжал ее изо всех сил, как-то невольно удивившись, до чего же она худая и

тонкая, ее рука. Но Лелька была спасение, упустить ее было никак нельзя.

Сашка поволок ее за собой. Лелька сначала немного упиралась, а потом молча и покорно побежала за ним.

Сашка утащил ее за голубой павильон. Там один на другом стояли ящики с пустыми бутылками. Сашка припер Лельку спиной к ящикам.

— Чего редела? — быстро спросил Сашка.

— Пароход жалко... — тихо всхлипнула Лелька.

Лелька стояла перед ним ровненько, как перед учителем, опустив руки, подняв голову, и только мигала. Ресницы от слез слиплись кустиками.

— Тоже мне! Ревешь, а сама не знаешь чего, — почему-то шепотом, наклоняясь к ней, сказал Сашка. — Сейчас придет вода. И поплывет катер... пароход.

— Правда?! — Лелька попробовала улыбнуться озябшими, посиневшими губами, но уголки рта поползли книзу. — Тебе твой папа сказал, да?

Гул толпы заглушил робкий Лелькин голос. По-шмелиному гудели мужские голоса. Вскрикивали женщины.

— Ноги заливают! — орал кто-то.

— Люди без мозгов! Скорей, скорей!

— Руку дайте, руку! Чего смотрите? Тащите меня!

— Тону, братцы!

Сейчас было уже не до Лельки. Сашка обогнул угол павильона, прямо по лужам, шлепая по густой грязи, бросился к берегу.

Узкий пляжик с шипением заливала вода.

Все, кто там были, подпрыгивали, вскидывали ноги, торопливо карабкались на обрыв, срывались. А волны настигали их, обдавая мутной пеной.

Обезьяний парень, переступая ногами по голубому борту, в растерянности глядел на поднимающуюся воду. Наконец, он решился и прыгнул, жалобно тренькнув гитарой.

Вода приплась ему уже выше колен. Отчаянно вскрикивая при каждом шаге, парень бросился к обрыву и полез вверх, измазав глиной мокрые брюки.

«Так тебе и надо», — подумал Сашка.

А вода все прибывала. Мутные волны бурлили, поднимаясь все выше. Катер ожил, шевельнулся, как живой.

Сашка отыскал глазами папу. Тот стоял над самым обрывом, да так и впился глазами в катер. Сзади, разинув рот от восхищения, на него навалился Сережа-машинист.

— Фантастика! — прошептал высокий военный.

— Однако предвижу неприятности, — прошамкал маленький старикашка и закашлялся, подавившись своей бородой. — Откуда вода? Впрочем, в любом случае это ничуть не снимает ответственности с тех...

«Противный...» — подумал Сашка.

«Степан Разин», голубой с белым, красивый, как всегда, покачивался на воде. Волнение сжало Сашкино горло, что-то зашевелилось в носу, защипало глаза.

Вся команда по одному перебралась на катер. И папа прыгнул тоже, так и не приняв протянутую ему руку Сережи. Сердится на него, значит.

Но Сашке хотелось только одного, чтобы они поскорее уехали, убрались подальше от этой глазающей толпы.

«Уплывайте! Уплывайте!» — приказывал им про себя Сашка.

Так и случилось. Мотор затарахтел, запыхтел, и катер отвалил от берега.

У Сашки внутри все еще дрожало. Он глядел, как «Степан Разин» уплывает, уменьшается и из голубого с белым превращается в серую точку на серой воде.

ГЛАВА 9

По пустым улицам

Когда Сашка немного пришел в себя и оглянулся, на обрыве уже никого не было. Только несколько человек с красными, озябшими носами сидели за столиками в кафе и глотали горячие сосиски. Они обнимали стаканы с кофе двумя руками и грели об них пальцы.

Серая туча прикрыла солнце, и с реки дул пронзительный сырой ветер.

Сашка медленно пополз в гору.

Ветер налетал злыми порывами, подгонял его, продувал насквозь, будто Сашка был весь в дырочках. Сейчас бы поесть и нырнуть в постель, под одеяло. И еще чтобы мама посидела рядышком...

Сашка вскарабкался наверх. Небо стало совсем серое и навалилось на площадь.

У остановки стояла очередь длиной в километр. Где-то впереди он увидел Катьку в голубой шапочке. Катька вертела головой: может, его высматривала?

Сашка спрятался за высокого дядю в мохнатом пальто. Ехать домой с Катькой ему почему-то не хотелось. Ему даже смотреть на нее не хотелось.

Ждать пришлось долго. Очередь сжималась, растягивалась, как резиновая, но народу не убывало. Потому что ни один троллейбус так и не подъехал к остановке.

Стоявшие впереди зашумели, заволновались. Вдоль очереди бежала женщина в расстегнутом пальто, обмахивая разгоряченное лицо сдернутым с головы платком.

— Не будет вам троллейбусов, не будет! — с трудом переводя дух, кричала она.

— Как не будет? — крикнул кто-то из очереди и засмеялся. — А что будет?

Женщина остановилась.

— А ничего не будет! Авария на электростанции, ясно? Нету вам электричества. Добирайтесь теперь, как желаете.

— А-а... — протяжно вздохнул кто-то позади Сашки. — Вот она откуда, водичка. Чудес-то на свете не бывает. Верно, плотину прорвало. Ну, конечно, не иначе.

Сашка замер. Он стоял и не шевелился, только сердце глухо стучало в груди.

Вдруг Сашка вырвался из очереди и бросился бежать. Он расталкивал людей, на кого-то налетал, как слепой.

— Видали ненормального! — сказал знакомый, насмешливый голос. Похоже, что Борька. Теперь все равно...

Сашка наискосок пересек площадь. Он бежал изо всех сил, напрягая ноги, с отчаянием отталкиваясь от земли.

Вот оно! Вот оно какое, вранье! Прилипло к нему. И что не совершь, все хуже и хуже. К маме!

К маме скорей! А что мама? Все равно, скорей домой.

— А-а... — простонал Сашка. Он вдруг понял. Мамы дома нет. Она же на электростанции, ясное дело. Раз там авария, ее туда вызвали.

Сашка бежал по длинной улице.

Троллейбусы стояли пустые, мертвые, в них было темно.

По рукам и по лицу полоснул ледяной дождь. Асфальт вокруг почернел. Но дождь сразу кончился. Только громоздкие тучи ползли быстро и низко, цепляясь лиловыми лохмотьями за крыши.

Дома стояли темные, неживые. Они смотрели на Сашку глубокими, черными окнами. Ни в одном доме не горел свет.

Сашке стало страшно. Шаги его звучали как-то слишком громко и гулко в тишине. Ему показалось, что за ним кто-то бежит. Оглянулся. Никого не было.

«Это мое вранье за мной бежит, — вдруг подумал Сашка. — Гонится за мной».

Дальше бежать не было сил. Он прислонился к столбу. Сухие рыдания с болью вырывались из груди. Сашка затрясся, обняв руками столб. Спиной почувствовал, кто-то стоит позади. Оглянулся. Позади стояла Лелька и молча смотрела на него.

Сашка даже не удивился, будто так и должно быть. Даже не вытер мокрых щек. А, пусть смотрит... Он тут же забыл о ней и бросился бежать.

Но когда, задохнувшись, остановился на углу, то опять увидел ее рядом с собой.

— Оставь меня. Брось. Все равно отста-
нешь, — еле дыша от усталости и отчаяния, сказал Сашка.

— Не... — прерывисто прошептала Лелька, глядя на него, — я привыкла... Я все время бегаю... От Гришки... От мальчишек... От Катки... Привыкла...

Они побежали рядом. Сашка бежал изо всех сил. В горле пересохло, жгло и остро кололо в боку.

Сашка остановился около голубого киоска. Стеклое окошко киоска было закрыто. В киоске слабо просвечивала тетя в белой наколке. Сироп в банках казался черным.

— Воды... газировки... Два стакана, — хрипло попросил Сашка.

Тетя приблизила лицо к стеклу. Ее нос расплюснулся о стекло, побелел.

— Тоже мне. Чего захотел. Воды ему! Нету воды! — сердито сказала она. Она посмотрела на Сашку, потом на Лельку. Ее лицо вдруг смягчилось, и она открыла окошечко.

— Чистого сиропу налью, что ли, — устало предложила она.

— Как нету воды? Почему нету воды? — даже как-то жалобно спросил Сашка.

— Плотину прорвало, говорят. Во всем городе водопровод не работает.

Продавщица пригорюнилась и вдруг пожаловалась не то Сашке, не то банкам с сиропом.

— А у меня дома стирка не стирается и обеда нет.

Сашка отскочил от киоска.

Уже и воды нет! Докатались. Еще разок соврать, и все полетит вверх тормашками! Весь город! Да что там город! Все! Нет, не домой... Надо к Волшебной Энциклопедии прорваться! Во что бы то ни стало. Как он сразу не додумался? Там же сказано: «О, несчастный...» Это я несчастный!

«Если ты, сгибаясь под тяжестью вранья...» Это я, я сгибаюсь! Ну да, там сказано: «Если ты захочешь, чтобы все было, как прежде...» Хочу! Хочу!

Сашка снова бросился бежать. Он бежал, забывая о Лельке. Но когда силы оставляли его и он, задыхаясь, переходил на шаг, он опять видел ее около себя. Лелька не отставала, бежала, как будто была сделана из одних ног.

Они бежали по темным, опустевшим улицам. Ноги у Сашки подгибались, подошвы горели.

Около тротуара стоял грузовик. Сашка последним усилием добежал до него, остановился, привалившись к нему грудью. Капот машины был поднят, шофер стоял согнувшись, что-то подкручивал там и вздыхал.

— Дяденька, подвезите меня, — измученно попросил Сашка. — Вам в какую сторону? Мне вон в ту... Мне очень надо...

Шофер поднял голову. Он был весь рыжий. Глаза тоже были рыжие. И губы тоже. Губы невесело улыбались.

— Воды в радиаторе нет. Все, парень. Теперь загорать тут будем.

— Бежим, бежим! — подскакивала рядом Лелька. — Еще немножечко.

Лелька, конечно, ничего не знала. Откуда ей. Но каким-то чутьем понимала — надо бежать. Догадывалась, что беда.

Они пробежали еще несколько длинных улиц. Улицы удлинялись, дома вытягивались, не хотели кончаться. Как Сашка ни старался, он останавливался все чаще. Ноги у него просто отваливались. Один раз, пошатнувшись, он даже ухватился за Лельку и почувствовал под рукой хрупкие косточки плеча. Еще совсем цыплячьи.

Наконец выбежали на площадь. Отсюда до Катькиного дома, до ее злополучного чердака было уже рукой подать.

Из-под низкой темной тучи вдруг выбились тяжелые красные лучи заходящего солнца. В доме напротив слепым огнем зажглись окна.

— Немножко, еще немножко... — лепетала рядом Лелька. — Еще немножечко...

Сашка побежал напрямик через площадь, Лелька несмело, холодными пальцами ухватила его за руку. Сашка влетел в поток машин.

Зашипев шинами, резко остановилась голубая «Волга». Пассажиров качнуло вперед. Кто-то приглушенно вскрикнул.

Справа что-то громко загудело. Слева с треском и щелканьем вильнул в сторону мотоцикл.

Откуда-то посыпались яблоки, запрыгали по мостовой. Строго, требовательно засвистел милиционер. Но Сашка был уже на середине площади.

«Не догонишь...» — подумал Сашка.

Вдруг Сашка увидел, что навстречу ему кто-то бежит. Да еще тащит за собой кого-то.

Солнце ослепляло Сашку. Он не мог разобрать, кто это. Он вильнул влево, потом вправо. Тут он разглядел по юбке, по каблукам, что навстречу ему бежит женщина. Он попробовал обжать ее. Но женщина сделала прыжок и, застилая солнце, надвинулась на него. В Сашино плечо железной хваткой вцепилась ее рука.

Сашка поднял голову и обомлел. Это была она, Гришкина тетка, зубной врач.

— Наконец-то изловила тебя! — задыхаясь, проговорила она. — Разбойник! Мальчику моему, Гришеньке, нос разбил. Думал, убежишь? Я из дома выскочила, так даже пальто не надела...

ГЛАВА 10

Гришкина тетка зубной врач

Это были знакомые, знакомые слова...

Сашка мгновенно все вспомнил.

Да, Катя и Борька сидели на скамейке. Он вспомнил Катин взгляд из-под черной челки. Как нестерпимо хотелось ему тогда казаться ей сильным и неустрашимым! И вот как все это теперь обернулось...

Гришкина тетка была в лиловом платье и в фиолетовой шляпе. На шее у нее болтались белые бусы, и каждая бусина была похожа на выдранный зуб.

Она мучительно, со свистом дышала, тяжело отдуваясь, ее хищные глаза сверкали.

Она тащила за руку своего племянника Гришку. Гришка упирался, и от этого его рука казалась очень длинной. А другой рукой он закрывал свой нос.

Сашка даже не сразу узнал его. И вовсе не потому, что Гришка закрывал нос. Он бы узнал его и сзади, и сбоку, и как угодно. По его знаменитой походке. По его самой длинной челке во всем районе. Ну, просто потому, что это был Гришка. Воинственный и неуязвимый, которого нельзя было не узнать или с кем-нибудь спутать.

Но теперь это был как будто и не Гришка.

Он весь съежился, поник. Стал обыкновенный, такой же, как все другие.

— Изловила тебя, — с трудом выговорила Гришкина тетка. В голосе ее было торжество и изнеможение. — Попался-таки, голубчик.

На ее задыхающийся голос какие-то люди обернулись. Кто-то остановился, глядя на них.

— Ты меня, милый, сегодня на десять лет состарил. Себя не пожалела, но изловила!

Вокруг них стала собираться толпа. Но Гришкиной тетке только того было и надо.

— Видите! Видите! — возбужденно говорила Гришкина тетка, оглядываясь по сторонам и яростно трясая за плечо Сашку.

— Вы только посмотрите, что он сделал с Гришей?! — она подтянула Гришку к себе поближе. — Мальчик мой! Ходил себе тихо по двору. Никому ничего худого не делал. Никого не трогал. А этот хулиган ни с того ни с сего подскочил и... Я сама из окна видела. Григорий, покажи нос!

Но Гришка не хотел показывать нос.

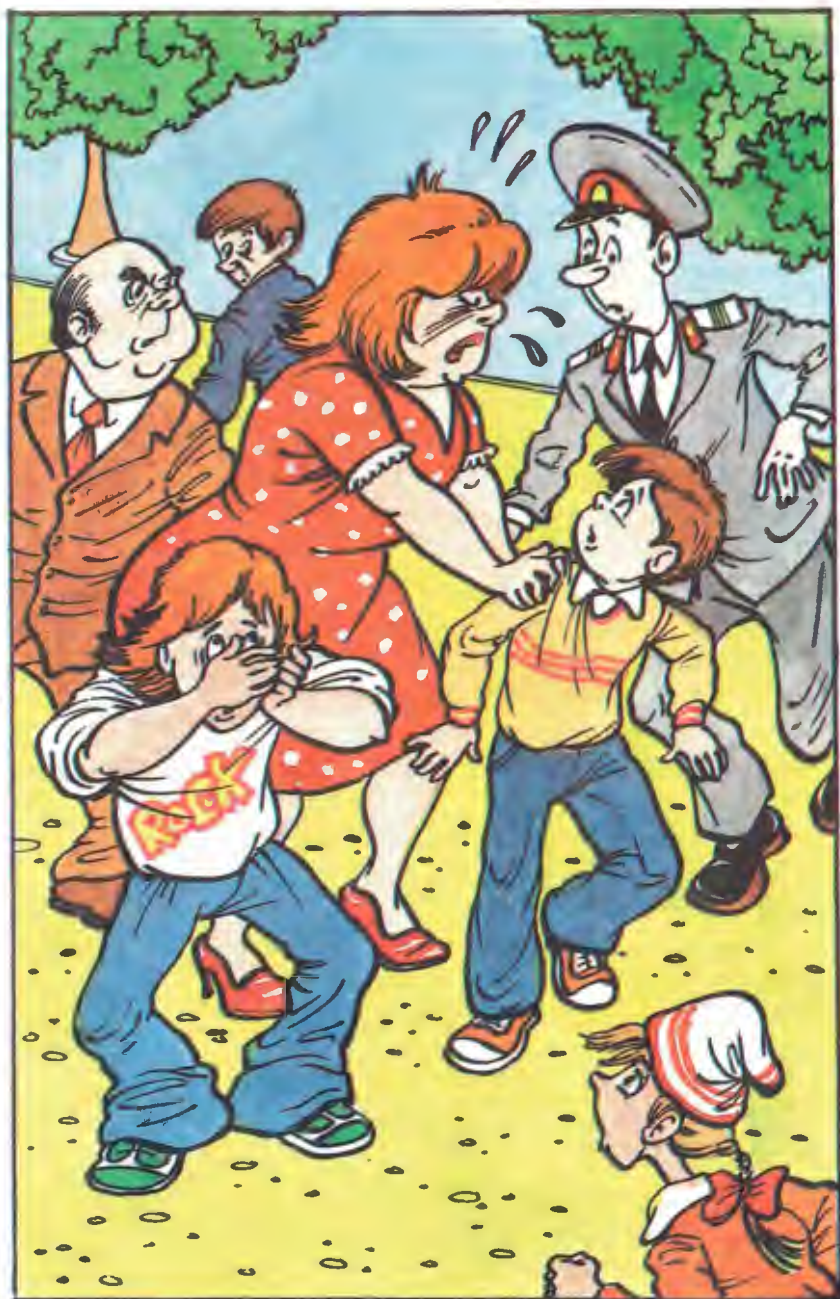
— А-а... — прорычала Гришкина тетка. Она не знала, как быть. Она боялась хоть на минуту выпустить Сашку. Но выпустить своего племянничка она тоже не решалась. Ей явно не хватало третьей руки. — Григорий, покажи нос, кому говорю!

Но Гришка только, как черепаха, втянул голову. Тут Гришкина тетка ловко перехватила Гришку за другую руку и стала пригибать ее книзу. Гришка сдался. Он закрыл глаза и покорно выставил нос вперед.

Нос был как нос. Ну, красный. Ну, распухший. Подумаешь. Сашка и не такие носы видел на своем веку. Но Гришкина тетка просто из себя выходила, глядя на этот нос.

Властно раздвинув толпу, к ним подошел милиционер.

— Ты что правила нарушаешь? — строго спросил милиционер и положил руку на другое Сашкино плечо.

— Так этот хулиган еще и нарушитель! — с наслаждением воскликнула Гришкина тетка. — Я предчувствовала это... да...

«Сцапали...» — безнадежно подумал Сашка.

Рука милиционера тяжело лежала на его плече.

Рука Гришкиной тетки была полегче, но твердые ее пальцы так и впились в Сашкино плечо. Они, как корни, прорастали в него все глубже и глубже.

«Это все из-за вранья проклятого... Из-за него. А может быть, можно все... назад наврать? Так, как будто ничего и не было?»

— А зато плотину не прорвало! И моя мама дома! — вдруг ни с того ни с сего отчаянно заорал Сашка.

— Твоя мама на работе, — сказал неизвестно откуда появившийся мамин сослуживец Михаил Петрович. Он устало вздохнул. — Там такое творится... Просто водопад. Так что твоя мама специально просила меня забежать к вам и передать, что останется до утра. Так-то. Иду я и как раз вижу — ты...

— Врун! Врун! Врун! — в восторге закричала Гришкина тетка, встряхивая Сашку. — Он еще и врун!

— А у меня зато дома зверей нет! И зеркало не разбито! — еще отчаянней закричал Сашка.

Все посмотрели на него, как на сумасшедшего.

— Комик, — сказал какой-то добродушный парень и pokrutil головой. — Во дает!

— Как тебе не стыдно, Кукушкин! — с укоризной сказала учительница Анна Семеновна, появляясь из-за плеча милиционера. — Я только что была у тебя дома. Познакомилась с твоим

дядей. Боже, в каком состоянии ты держишь свою комнату. Но это отдельный разговор. Мы навели хоть какой-то порядок, накормили зверей и убрали осколки зеркала...

Сашка затравленно оглянулся. Вокруг него стояли люди и смотрели на него. И как будто держали его своими взглядами.

— Пустите меня! — взмолился Сашка. — У меня беда! Пустите же!..

— Беда? — переспросил милиционер. — А именно? Точнее!

— Нет у него никакой беды! Что вы его слушаете? У него опять какое-нибудь хулиганство на уме! — зашипела Гришкина тетка. Она и второй рукой вцепилась в Сашку. Теперь она уже совсем завладела им.

— Мне к Энциклопедии надо! К Волшебной! А то вы все пропадете! Пустите меня... — в отчаянии закричал Сашка, уже плохо соображая, что он кричит.

Сашка увидел Лельку. Она изо всех сил вцепилась в железную лапу Гришкиной тетки и по одному отгибала ее пальцы. Он увидел Лелькины глаза, стиснутые зубы и пустоту в том месте, где не хватало двух верхних зубов. Гришкина тетка локтем отшвырнула Лельку.

«От милиционера я еще вырвусь, а от этой — нет, никогда... — мелькнуло в голове Сашки. — Ее не упростишь».

Сашка втянул в себя воздух.

— Пожар! — вдруг заорал Сашка что было силы. Он даже присел немного. — Тетенька! Ваш дом горит!

Все застыло на мгновение. Люди, машины, ветер. Потом все головы разом повернулись в одну сторону.

— Батюшки! — низким голосом завопила Гришкина тетка. — Горим! Горим!

Руки Гришкиной тетки медленно разжались. Сашка шевельнул плечами, почувствовал: свободен!

— Милые, горим! — закричал еще кто-то.

— Тетя! — заорал Гришка.

Теперь никто не глядел на Сашку. Всем было не до него.

Сашка бросился бежать прямо к Катиному дому. Он бежал в толпе людей. Перед ним мелькали подошвы, двигались спины, работали локти.

Сашка обогнал учительницу Анну Семеновну. Поднажал и обогнал маминого сослуживца Михаила Петровича.

Теперь впереди были только Гришкина тетка и милиционер. Они бежали рядышком. Впереди всех неслась легконогая Лелька.

Вдруг Сашка остановился. Кто-то налетел на него, охнул и пробежал мимо. Люди обегали его с двух сторон. Толкали, поворачивали. Сашка остался один посреди улицы. Топот, испуганные крики, вопли удалялись. А он все стоял как вкопанный и в ужасе смотрел на Катин дом.

Над островерхой крышей Катиного дома поднимались, медленно разрастаясь, страшные, черные клубы дыма.

Что он натворил! Он совсем забыл, что Гришкина тетка жила в Катинем доме. И теперь горел Катин дом. Горел Катин чердак, где под досками среди пыли и хлама лежала Волшебная Энциклопедия. Что он наделал?

Мимо Сашки с тревожным воем пролетели четыре красные пожарные машины.

Сашка застонал и снова бросился бежать.

ГЛАВА 11

Горим!

Вдоль всего забора плотно стояла толпа людей. Спины красные, серые, коричневые и в полосу громоздились одна на другую.

Сашка попробовал втиснуться между ними. Куда там! Спины, плечи, локти — все это отпихивало его, отталкивало, не пропускало. Тогда в полном отчаянии Сашка встал на четвереньки, нырнул между чьими-то ногами и пополз по земле.

Здесь было темно и сумеречно, как в лесу.

Над ним качались и гудели голоса.

— Сгорит!

— Весь сгорит!

— Да ну?!

— Что там пожарные еле шевелятся? Как сонные мухи!

— Сам попробуй! Без воды. Языком-то каждый горазд!

— Хорошо, если один сгорит! Не перекинулось бы!

— А сзади-то дом деревянный!

— А сарай?

— Батюшки, ветер-то какой! Так и дует, проклятый! На наш дом несет!

— Как бы все не сгорело!

Сашка пополз быстрее. Он судорожно продирался через этот лес разных ног. Отдавил ногу какой-то тете. Что-то холодное шлепнуло его по щеке. Это была сетка, в которой лежала ошипанная курица с закрытыми глазами.

Сашка рванулся в сторону. Попробовал пролезть между двумя толстыми тетями, но оказалось, что там стоит еще какой-то совсем

сплюснутый малыш. Малыш улыбнулся ему и погладил по спине лопаткой.

Сашка уже не понимал, в какую сторону надо ему ползти. Ноги в брюках. Ноги в чулках. Коробка с тортом. Сапоги. Что-то вонзилось ему между лопаток. Зонт! Нет, конца этому не будет!

Сашка в отчаянии боднул головой чей-то портфель и вдруг вырвался прямо к забору.

Сашка прижался к нему грудью. Схватился за него руками, прильнул глазом к щели.

Что творилось на тихом Катином дворе!

Там стояло, наверно, штук десять машин, если не больше. Бегали пожарные с огнетушителями в руках. С красных машин, дрожа, поднимались серебряные лестницы.

Двери дома поминутно распахивались, и оттуда выбегали люди, держа в руках разные вещи.

Из дома выбежала старушка, прижимая к себе клетку, в которой трепыхалась какая-то птичка. За ней выбежала другая старушка, обнимая руками фикус.

«Может, еще не поздно? — в тоске подумал Сашка. — Все дым, огня-то не видно. Может, я успею, схвачу книгу и назад».

Сашка, расталкивая людей, стал протискиваться к калитке. Но там, беспощадно перегордив вход длинной рукой, стоял милиционер и никого не пускал во двор. А около него Сашка увидел еще несколько милиционеров.

Тут Сашка вспомнил про дыру в заборе. Он вообще-то редко ходил в калитку, он чаще пользовался этой дырой. Вряд ли ее тоже охраняли милиционеры.

Сашка бросился назад, опять расталкивая людей, пихаясь локтями.

— А, посмотреть не даст!.. — с досадой сказал толстый дядя с портфелем. — То ползает, то бегают.

Сашка побежал вдоль забора. Вот она, дыра. Двух досок не хватает.

Сашка сунул туда голову и увидел синие брюки. Дыру тоже охраняли. Милиционер был высокий-высокий, как башня, и безнадежно строгий.

— Дяденька милиционер, — измученно зашептал Сашка. — Пустите меня, а? Мне очень надо. Дяденька милиционер... что вам, жалко?

Слезы закипели у Сашки на глазах и потекли по щекам. Он так и замер, глядя снизу вверх на милиционера.

— Что ты, что ты... будет тебе... — даже как-то испуганно сказал милиционер и присел на корточки рядом с Сашкой.

Сашка тупо удивился. Он никогда не видел, чтобы милиционеры сидели на корточках.

— Ты что, тут живешь?

— Ага... — вне себя проговорил Сашка. — Ага...

— Маму ищешь? — с сочувствием спросил милиционер.

Сашка быстро закивал головой.

— Иди, поищи, — сказал милиционер. — Да не дрожи так... Никуда твоя мама не денется, тут где-нибудь. Только, слышь, к дому не подходи.

Милиционер снизу подхватил Сашку одной рукой и помог ему пролезть через дыру. Сашка встал. Его качало. Он пошел к дому, но нарочно повернул голову в сторону, незаметно убыстряя шаги. Милиционер стоял и неподвижно глядел на него. Сашка проскочил между двумя машинами и вильнул к дому.

— Куда? — закричали сзади.

В подъезде горько и страшно пахло дымом. Мимо Сашки вниз по лестнице бежали люди. Сашка услышал над головой топот маленьких башмаков по ступенькам. Навстречу Сашке, не видя его, бежала Лелька.

Лелька прижимала к груди большую лысую куклу. Одна рука у куклы болталась на нитке. А глаза все время со стуком закрывались и открывались.

Лелька пробежала мимо, совсем слепая от слез. Жалость, тоска сдавили Сашке грудь.

— Лелька... я так не хочу... — зашептали его губы бессмысленные слова. — Не надо эту куклу... Я не знал... я не буду...

Сашка, напрягая последние силы, бросился вверх по лестнице.

Вдруг Сашка остановился, и нога его повисла над ступенькой. Потом медленно, потрясенный, он стал пятиться назад.

Сверху, под бормотанье, рычанье, повизгиванье, как под звуки какого-то дикого, нестройного оркестра, спускался Симеон Симеонович со всеми своими зверями.

«Как его занесло сюда? — мелькнуло в голове у Сашки. — В гости ходил, что ли? И зверей взял?»

Вокруг Симеона Симеоновича пышно колыхался густой дым. Все четыре обезьяны обняли его за шею, и казалось, что у Симеона Симеоновича пять голов. В руках он нес медвежонка, да еще подпихивал ногой большую медведицу, которая, переваливаясь, неуклюже спускалась по ступенькам.

И тут Сашка просто обомлел.

Позади Симеона Симеоновича шла Сашкина мама. Она неловко прижимала к себе коричневого

медвежонка. А медвежонок испуганно вырывался и отпихивался короткими, толстыми лапами.

Губы у мамы дрожали, она была бледна.

— Ничего... — немного задыхаясь, проговорила мама. — Вещи — дело наживное... Как-нибудь проживем...

— Как-нибудь, Маша... — с натугой сказал Симеон Симеонович, покачиваясь под тяжестью обезьян. — Потушат, авось все не сгорит...

У мамы от дыма слезились глаза. Она старалась вытереть мокрую щеку о плечо и не заметила Сашку. К тому же в это время между ней и Сашкой оказалась большая медведица да еще нога Симеона Симеоновича, подталкивающая медведицу.

«Почему у нас все сгорит? — подумал Сашка. — Ведь не наш дом горит...»

— Ой! — Сашка повернулся и уперся лбом в холодную пыльную батарею. — Это я тому дяденьке милиционеру наврал, что тут живу. И теперь мы и вправду тут живем. Я же ему только «ага» сказал. От одного «ага» такое вышло. Значит, даже кивнуть головой нельзя. Да что же это? Все хуже и хуже!..

Навстречу ему бежали какие-то люди, что-то крича и кашляя. То чья-то рука, то голова, то круглая каска пожарного высывались из дыма.

Все люди бежали только вниз, вниз, вниз, и только один Сашка бежал вверх. И от этого ему стало совсем страшно.

А дым становился все гуще. Он выедал глаза. Жег в груди.

— Эй, Степанов, людей больше нет? — закричал снизу чей-то голос. — Проверить по всем квартирам!

Сашка зажал нос и рот. Зажмурился. Хватаясь за перила, он подтягивал себя кверху, с трудом преодолевая каждую ступеньку, расталкивая плотный и горячий дым.

— Немножко, еще немножко... — вспомнил Сашка, и перед ним проплыло Лелькино лицо с испуганными и сострадающими глазами.

Перила кончились. Не открывая глаз, он, как слепой, стал шарить вокруг себя, стараясь нащупать дверь на чердак.

Вот она! Доска качается — значит, она. Раскаленный тяжелый дым ударил в лицо.

На чердаке творилось что-то невероятное. Там в глубине что-то трещало и ухало. Даже сквозь зажмуренные веки Сашка почувствовал что-то красное, движущееся, огненное.

— Книжки, книжечки! — беспомощно позвал Сашка, будто эти книжки были щенятами и могли сами подбежать к нему.

Сашка протиснулся в дверь, уже ничего не чувствуя, кроме невыносимого, палящего жара. Сноп искр ослепил его. Он задышался.

Он не мог не дышать. Но дышать было нечем. Он открыл глаза на мгновение и увидел охваченный огнем сундучок. Увидел остро, четко, ясно освещенную огнем каждую щель. С гудением из него било пламя.

Сашка глотнул жгучий, набитый искрами дым. Голова закружилась. Больше нельзя было ни дышать, ни жить...

И Сашка, протянув руки, плашмя упал на горящий сундучок.

ГЛАВА 12

Здравствуй, двойка!

Сашка открыл глаза. Он сидел на чердаке около окна, и острый свежий воздух овеивал его лицо.

Сашка еще плохо понимал, где он. Он только с жадностью смотрел на окошко «кошачий глаз», на косо повисшую раму, на солнечный луч, наполненный цветными пылинками.

Сашка осторожно повернул голову. Он еще боялся вспугнуть все это, боялся, что все исчезнет: и чердак, и куча старого хлама, и тишина. Он чуть наклонил голову и скосил глаз. Сундучок. Он сидел на сундучке.

На коленях у него что-то слабо шевельнулось.

На коленях у него лежал раскрытый дневник. Сквознячок пролез между листами и перебирал их. Сашка с трудом разжал затекший, судорожно сжатый кулак. С ладони прыгнул ластик, упал на пол и упруго скакнул в темноту.

Сашка глянул в дневник. Двойка! Двойка! Милая! Живая и здоровая! Стоит себе как ни в чем не бывало, будто ее никто и не стирал резинкой.

Безумная радость охватила Сашку. Значит, все! Значит, ничего и не было! Ни пожара, ни аварии, ни «Степана Разина», лежащего на боку. Ничего, ничего!..

Сашка вскочил на ноги. Ура! Он затанцевал по чердаку, и луч солнца замутился от клубов пыли.

Какое счастье! Ну и пусть папа посердится. Пускай даже ремнем... Переживет он это. Пусть он не поедет с классом на катере. Не поедет с Катей.

Сашка вспомнил светлые, сощуренные глаза Кати. Как она засмеялась там, на обрыве, когда со «Степаном Разиным» случилась беда.

И вдруг Сашка понял, что, хотя этого теперь как будто и не было вовсе, он никогда не забудет этот смех.

Тяжелая туча стала наползать на солнце. На чердаке сразу же потемнело. Чернота надвинулась на солнце. И вся куча старья опять показалась таинственной и странной.

«Почему же кончилось волшебство? — подумал Сашка. — Я тогда не разобрал до конца, что там было...»

Ему не хотелось даже прикоснуться к Волшебной Энциклопедии. Он наморщил лоб, вспоминая:

Мне свидетель звездный Лев,
Свет Стрельца и Водолея!
Волшебства сломай печать!
Только жи... не жа...
И себя преодо...
Смо.. сно... все на...

И вдруг буквы сами собой подставились, и Сашка как-то легко и просто понял, что там было написано.

Мне свидетель звездный Лев,
Свет Стрельца и Водолея!
Волшебства сломай печать!
Только жизни не жалея
И себя преодолев,
Сможешь снова все начать!

Сашка разгреб пыльный хлам и сунул сундучок в самую глубину. Завалил досками, припер сломанным велосипедом, а сверху еще положил стул.

Тут уж ее никто не найдет. Эта Волшебная Энциклопедия опасная штука. Еще попадет в руки какому-нибудь Гришке. Он черт-те что натворит.

— Пусти! Я тебя трогала, да? — раздался со двора тонкий плачущий голос.

Сашка выглянул в слуховое окошко. Ну, так и есть: Гришка сцапал Лельку. Он обмотал вокруг кулака ее косичку — крысиный хвост и медленно, безжалостно подтягивал ее к себе. Лелька старалась вытянуть косу из его кулака, и лицо ее сморщилось от боли.

И тут Сашка понял, что он ударит Гришку. Сейчас сбежит вниз и ударит его. Изю всей силы. Что бы потом Гришка с ним ни сделал. Все равно. Он будет драться с Гришкой до последнего.

— Ты что делаешь? — яростно заорал Сашка, наполовину высываясь из окна. — А ну, пусти ее! Зубы тебе мешают? Так я их тебе сейчас пересчитаю!

Гришка в изумлении поднял голову и застыл.

И Лелька подняла кверху бледное маленькое лицо. И на лице ее был только испуг, никакой радости.

— Вот ненормальный, — сказал Гришка, сплюнул, выпустил Лелькину косичку и пошел к калитке. Вид у него был такой, что ему просто лень связываться с Сашкой, что у него есть дела поважнее.

Но Сашка видел, что Гришка идет чуть-чуть быстрее. Совсем чуть-чуть. Самую малость. Но все же торопится.

Сашка был мальчишка. И он прекрасно понимал, что это значит.

Его так и обожгло изнутри жаром от гордости.

Сашка выкарабкался на лестницу, приладил доску на место и побежал вниз.

Он думал о том, что, когда он уже исправит эту двойку и дома все забудут о ней, он очень попросит маму, чтобы она забрала к ним Лельку.

Похоже на то, что она там никому не нужна. А если даже они не отдадут им Лельку, то все равно: пусть только попробует кто-нибудь ее тронуть, пусть только попробует.

Содержание

<i>ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖЕЛТОГО ЧЕМОДАНЧИКА</i>	<i>5</i>
<i>НА СТАРОМ ЧЕРДАКЕ</i>	<i>67</i>

Для младшего школьного возраста

ПРОКОФЬЕВА Софья Леонадовна

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖЕЛТОГО ЧЕМОДАНЧИКА

Повести-сказки

Художник А. Шахмудян

Художественно-технический редактор Н. Ганкина

Корректор В. Любеева

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.01.99.

Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 9.

Гарнитура «Школьная». Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 12 000 экз. Заказ № 46.

«Издательский дом «Искатель», 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а
(ЛП № 071275 от 18 марта 1996 г.).

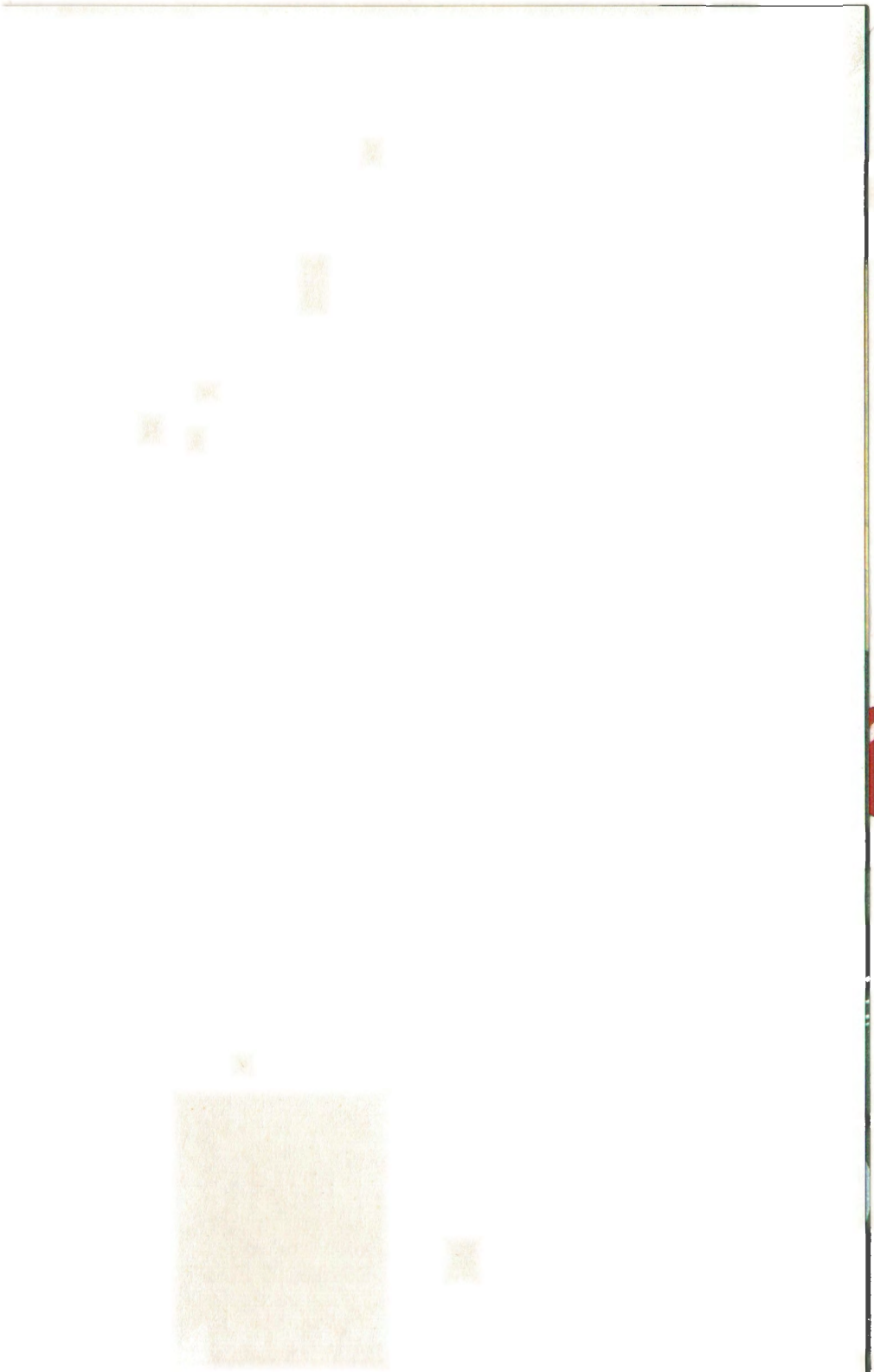
Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Государственного комитета
Российской Федерации по печати
170040, г.Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

ISBN 589487-108-9

9 785894 871066

Двумя руками Сашка с трудом
 поднял верхнюю книгу.
 До чего ж тяжелая!
 А пылищи на ней...
 Сашка плюнул на обложку
 и растер рукавом.
 На старой темной коже блеснули
 глубокие золотые буквы.
 Сашка прочел:
 «ПОЛНАЯ ВОЛШЕБНАЯ
 ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»

